1922 1952

KÕIGI MAADE PROLETAARLASED, ÜHINEGE!

VISŲ ŠALIŲ PROLETARAI, VIENYKITĖS!

KAIKKIEN MAIDEN PROLETAARIT, LIITTYKÄÄ YHTEEN!

БАРЛЫҚ ЕЛДЕРДІҢ ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БІРІГІҢДЕР!

БУТУН ДУНЁ ПРОЛЕТАРЛАРИ, БИРЛАШИНГИЗ!

БҮТҮН ӨЛКӘЛӘРИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛӘШИН!

ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ!

VISU ZEMJU PROLETĀRIEŠI, SAVIENOJIETIES!

ПРОЛЕТАРЬ ДИН ТОАТЕ ЦЭРИЛЕ, УНИЦЬ-ВЭ!

БАРДЫК ӨЛКӨЛӨРДҮН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРИККИЛЕ!

ПРОЛЕТАРҲОИ ҲАМАИ МАМЛАКАТҲО, ЯК ШАВЕД!

ӘХЛИ ЮРТЛАРЫҢ ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЕШИҢ!

ПРОЛЕТАРЫІ ЎСІХ КРАІН, ЕДНАЙЦЕСЯ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

Каждое утро, приступая к работе, Яков Григорьевич Усов видит перед собой Москву, кипучую, шумную, несмотря на ранний час. И дома-великаны, как дозорные, высятся над ней. Они стоят в разных концах великого города—на Смоленской, Ленинских горах, Котельнической набережной, площади трех вокзалов, у Красных ворот. Сам Усов работает на вершине еще одного высотного здания, что поднялось на площади Восстания.

Если можно было бы поставить рядом все дома, сложенные Яковом Усовым, то вырос бы немалый городок с заводами, кинотеатрами, столовыми, жилыми массивами. Много поработал каменщик Усов и в Ленинграде, и на Урале, и в Сталинграде. Он приехал в город-герой сразу же после окончания Сталинградской битвы — и четыре года строил школы, жилые дома, восстанавливал завод «Красный Октябрь», в цехах которого полгода шла беспримерная в истории битва. Сейчас Яков Усов строит московский высотный дом.

Яков Григорьевич пришел на площадь Восстания, когда только заложили фундамент здания. Вместе с товарищами А. Овсянниковым, А. Простяковым, С. Козловым и другими рабочими Усов, применив новый скоростной метод, укладывал за смену по десять кубометров кирпича. И чем выше поднимался дом, тем больше росла трудовая слава каменщика Усова. А когда здание было возведено, когда каменщики закончили свою работу, Якову Григорьевичу предложили стать облицовщиком — изучить новую для него профессию.

Усов поехал к облицовщикам Московского университета, прошел у них курс обучения и вскоре сам стал учить молодежь своей стройки. Он выпустил двадцать пять квалифицированных облицовщиков, многие из которых работают теперь бригадирами, соревнуясь со своим учителем.

На наших глазах преображается Москва, поднимаются к небу огромные, светлые здания, и вместе с Москвой, вместе с ее домами растут простые советские люди — рядовые строители коммунизма.

На снимке: Я. Г. Усов (справа) и его ученик А. Я. Мещеряков на строительстве высотного дома на площади Восстания.

Фото Е. Умнова

№ 52 (1333) 21 ДЕКАБРЯ 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Иосиф Виссарионович **СТАЛИН**

Фото Н. Петрова

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СССР

Всеволод **ИВАНОВ**

Тридцать лет назад произошло в нашей стране событие, которое вписало новую главу в историю человечества.

30 декабря 1922 года I съезд Советов СССР, заслушав доклад товарища Сталина, провозгласил образование Союза Советских Социалистических Республик.

Образовалось государство свободных и независимых народов — подлинный союз народов, освобожденных от ярма капитализма, освобожденных от ярма шовинизма, народов, которые уважают и любят друг друга, которые поклялись навечно идти рука об руку к великой цели — к коммунизму.

Хорошо помню тот день! Помню густые толпы ликующих людей на улицах Москвы, сверкание снега на крышах, в садах, во дворах, сверкание облаков в высоком морозном декабрьском небе и солнечное тепло в сердце.

И не только Москва: каждый город, каждое селение, каждый завод гигантской страны нашей — все праздновали и радовались в тот день.

Созданию Советского Союза радовались все трудящиеся Земли. Они верили в возможность его существования, в возможность строительства социализма. Не верили этому враги нового общества. Не верили, но боялись, вооружались против него всячески. Если собрать статьи, книги, написанные буржуазными журналистами, отрицавшими возможность существования СССР и построения в нем социализма, все карикатуры, все пасквили, направленные на доказательство зыбкости существования социалистического государства, то это могло бы заполнить собой много зданий, целую улицу.

Образование Советского Союза провозглашено 30 декабря, а только 25 октября того же года, то есть на два с небольшим месяца раньше, был освобожден от японо-американских интервентов Владивосток.

Интервенты и белогвардейцы были разгромлены в пух и прах. Они были разгромлены, несмотря на голод в стране, несмотря на разрушенное народное хозяйство, доставшееся нам после капиталистов и помещиков.

Как только советский народ прогнал врага от своего порога, он немедленно приступил к большой строительной работе, к строительству социализма.

А что такое строительство социализма? Это — мирное строительство. Это путь мира.

Вся история капитализма и империализма есть история почти беспрерывных грабительских войн. Год от году эти захватнические, грабительские войны становятся все жесточе, все беспощадней.

Тридцать лет, несмотря на все яростные происки врагов, Советский Союз твердо стоит на страже мира. И нерушим союз, сплотивший советские социалистические республики. Нерушим он потому, что зиждется на взаимном доверии, на национальном равноправии, на братском сотрудничестве и дружбе народов всех республик.

Шли дни. Незаметные родники превращались в реки. Реки — в моря. Чтобы строить социализм, требовались огромнейшие культурные силы. Нужно было обучить и воспитать талантливых и способных людей, вооружить их наукой, которая управляет жизнью,— теорией марксизма-ленинизма.

Москва. Большой Кремлевский дворец.

Новое общество и его новая, социалистическая культура развивались необыкновенно мощно и быстро.

То, на что в капиталистическом обществе требовались годы, у нас в Советском Союзе создавалось в месяцы. Превосходство нашей социалистической системы перед капиталистической доказывалось с неоспоримой ясностью и доказывалось делами. И каждое из этих дел было направлено на благо народа, на благо трудящихся.

Появились новые слова: «индустриализация», «пятилетка», «коллективизация». Слова эти стали символом творчества нашего народа, символом его неисчерпаемых сил, символом его побед.

Летом 1930 года, без малого восемь лет спустя после провозглашения Союза Советских Социалистических Республик, в легендарном Сталинграде происходит пуск тракторного завода.

Гул тракторного мотора с полей Поволжья быстро перенесся на поля Украины, Сибири, Кубани, Центральной России. Этот гул любили сравнивать тогда с биением сердца, и действительно это билось сердце первой пятилетки!

31 января 1932 года зажглась первая домна Магнитогорского металлургического комбината. 10 октября был пущен Днепрогэс. Так советский народ отметил десятилетие со дня создания Советского Союза.

Успешное завершение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР показало, что социализм в нашей стране побеждает.

Росла страна, росли люди. Новые университеты, институты и лаборатории возникали не только в столицах наших республик, но и на далеких окраинах. Многие профессора, ученые, академики, писатели, общественные деятели, знаменитые новаторы производства называют годы первых пятилеток годами своей учебы. Мы обучались, не переставая работать.

Подводя итоги великим подвигам труда и борьбы за социализм почти шестнадцать лет спустя после провозглашения Советского Союза, 1 октября 1938 года вышла в свет великая книга вождя и учителя советского народа И. В. Сталина «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс».

Гениальный сталинский труд вооружил нашу партию, наш народ знанием законов общественного развития и политической борьбы, знанием движущих сил революции.

Этот труд звал строить для народа, строить с народом. Звал бороться за счастье народа вместе с народом.

Когда на нашу страну хлынули полчища немецких фашистов, советские люди под руководством великого Сталина, опираясь на нерушимую дружбу, на союз, крепко выкованный в дни мира, разгромили и уничтожили немецко-фашистские полчища.

Выковывая оружие, уничтожая врагов этим оружием в дни Великой Отечественной войны, советский народ не забывал дела мира. Он воевал для мира.

Прошло лишь семь лет после окончания разрушительнейшей из мировых войн. Советский Союз понес в этой войне очень большие потери. Мы их не скрывали и не скрываем. Многие города нашей страны были разрушены. Заводы взорваны. Нивы истоптаны. Села превращены в руины.

Все это в самый кратчайший срок не только восстановлено, но и стало лучше, чем было до войны. Города стали красивее, села — наряднее и богаче, заводы усилили свою мощь во много раз.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза подвел итоги свершенному и дал директивы по новой, пятой пятилетке — пятилетке строительства коммунизма!

Советские люди твердо и уверенно шагают к намеченной цели. Товарищ Сталин накануне XIX съезда партии определил ясную программу перехода от социализма к коммунизму.

Мы оглянулись с вами на путь, который прошла наша страна. Какое величественное и великолепное зрелище!

А что же происходит в капиталистическом мире? Лучше ли стали там жить трудящиеся после войны? Много ли выстроено для них университетов, институтов, жилых домов, санаториев? Без всякой натяжки можно утверждать: трудящиеся там стали жить много хуже; культура капиталистического мира находится в упадке; безработица и нищета растут.

Советский Союз поднялся ныне на невиданную высоту. Голос Советского Союза, голос неустанного борца за мир, слышен по всей земле.

И с каждым днем голос этот становится все громче, все сильнее, все вдохновеннее.

Это голос мира.

Это могучий голос труда.

Это великий голос свободы.

Это голос товарища Сталина.

Это голос всего советского народа, голос, полный сил и могучей веры в будущее и своей Отчизны и всего прогрессивного человечества!

ДРУЖБА НАРОДОВ

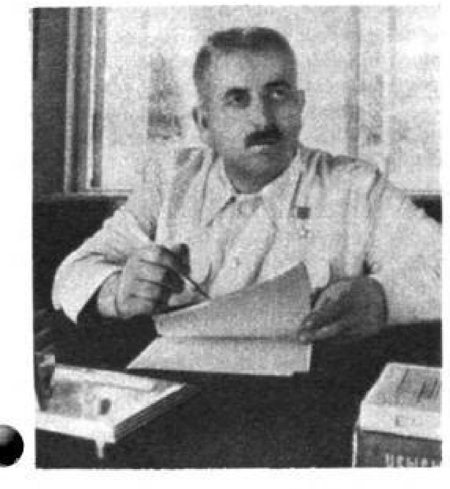
Союз Советских Социалистических Республик! Как много говорят четыре эти слова уму и сердцу каждого труженика на земном шаре! И прежде всего встает перед ним великий пример братского сотрудничества людей разных наций.

...Русский токарь приехал в Литву и помогает местным станкостроителям. Русские металлурги учат варить сталь юношей из грузинского города Рустави. А грузинский колхоз считает своим долгом поднять на ноги пострадавшую после войны украинскую сельскохозяйственную артель. Бакинские нефтяники передают опыт башкирским. Московские профессора консультируют аспирантов Белорусского университета...

Это лишь несколько из тысяч подобных примеров торжества ленинско-сталинской национальной политики, нерушимой дружбы социалистических наций в нашей стране. Они живут крепко спаянной семьей, в которой нет пасынков и в которой есть старший брат — русский народ, неустанно помогающий всем остальным народам Советского Союза. Заботами коммунистической партии, родного Сталина семья эта крепнет на радость всему передовому человечеству.

Страницы одного романа

В последние годы колхозники села Шрома, Махарадзевского района, часто видели своего председателя М. Ф. Орагвелидзе с карандашом или пером в руках. Миха Филиппович писал и дома, и в правлении, и даже по дороге — в машине. При этом никогда нельзя было угадать, что именно он пишет: отчет, распоряжение,

Миха Филиппович Орагвелидзе.
Фото С. Короткова

ответное письмо или очередную главу своего романа «Мегброба» («Дружба»). Нередко главы будущей книги автор читал колхозникам, и они горячо обсуждали произведение своего председателя. Теперь отрывки из романа напечатаны в грузинском литературном журнале «Мнатоби».

Что же заставило председателя колхоза имени С. Орджоникидзе взяться за перо?

Соревнование двух колхозов: грузинского в селе Шрома и украинского в Геническом районе, на Херсонщине.

Около 15 лет назад, когда соревнование только начиналось, Миха Филиппович завел папку и стал подшивать туда отчеты, письма, вырезки из газет. С годами накапливалось интереснейшее собрание документов, своеобразная летопись.

Перелистаем страницы этой папки, обернутой красной глянцевитой бумагой.

...1938 год. Хлеборобы колхоза имени И. В. Сталина в Геническом районе на Украине откликнулись на призыв колхозников грузинского села Шрома и вступили с ними в соревнование. В ноябре украинцы приезжали в Шрому.

1939 год. Участники соревнования встречаются на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Украинцы дарят грузинам книгу Тараса Шевченко, грузины — украинцам поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

1940 год. Грузинские колхозники гостят в колхозе имени И. В. Сталина. Украинцы, отличные животноводы, отправляют друзьям жеребца орловской породы и племенного быка. В ответ на Херсонщину посылают 2 тысячи саженцев плодовых и цитрусовых деревьев. В колхозе имени И. В. Сталина начинают возделывать цитрусовые в траншеях.

1941 год. В грузинский колхоз приходят письма от фронтовиков-украинцев. Пишет Гнат Абраменко:

«Я и мои товарищи на фронте не знаем о судьбе нашего колхоза, о судьбах наших семей. И мы решили, дорогие товарищи грузины, написать вам как родным братьям».

Генический район оккупировали гитлеровские орды. В Шрому стали прибывать крестьяне, эвакуированные из колхоза имени И. В. Сталина. Все чаще приходили письма со штампами полевых почт. Отвечая фронтовикам, грузинские колхозники звали отпускников к себе погостить, отдохнуть. Из госпиталя приехал Василий Лаврентьев. Ему помогли разыскать отца, эвакуированного с Украины в Ставропольский край. Пригласили в Шрому и старика. Отец с сыном встретились в грузинском колхозе.

За годы хозяйничания оккупантов на Херсонщине колхоз имени И. В. Сталина понес урон в 50 миллионов рублей. Большую помощь украинским хлеборобам оказало Советское государство. Помогли и друзья из Грузии. Чтобы возродить колхозное стадо, вернули обратно на Украину племенного быка, того самого, который в свое время был подарен грузинам и много лет считался лучшим в Шроме.

1946 год. В Генический район отправилась первая после войны делегация грузинских колхозников. А спустя три года украинцы приехали в Закавказье с рапортом о том, что их колхоз имени И. В. Сталина достиг довоенного уровня. В Шроме к этому времени было 13 Героев Социалистического Труда и среди них председатель Миха Филиппович Орагвелидзе. Колхоз получал 10 миллионов рублей дохода в год.

Тепло встретив гостей, грузинские колхозники повезли их в Гори к домику, где родился товарищ И. В. Сталин. Колхозный самодеятельный хор спел украинские песни. Грузинские дети читали стихи Тараса Шевченко на украинском языке...

— Вот обо всем этом, о нашей дружбе я и попытался рассказать в своей книге,— говорит Миха Филиппович.

Последний листок в папке председателя — письмо из украинского литературного журнала «Жовтень»: предлагают напечатать роман М. Ф. Орагвелидзе.

— А это я получил только вчера...

Миха Филиппович показывает письмо из Госполитиздата Украинской ССР и приложенную к письму рукопись. Мы перелистываем подготовленную к печати рукопись брошюры «Творческое содружество и соревнование двух колхозов». На титульном листе фамилии двух авторов: Г. Литовченко — председателя колхоза имени И. В. Сталина в Геническом районе, на Херсонщине, и М. Орагвелидзе — председателя колхоза имени С. Орджоникидзе из грузинского села Шрома.

И. МЕСХИ

Баку—„Второе Баку"

Двадцать лет назад у безвестной степной деревни Ишимбай из разведочной скважины № 702 ударил первый нефтяной фонтан. Эта буровая стала родоначальницей башкирской нефти. И скоро стал быстро развиваться новый нефтяной район на востоке Советской страны. Так сбылось предвидение великого русского ученого, основателя нефтяной геологии Ивана Михайловича Губкина, открывшего нефтеносность недр на огромных пространствах от Волги до Урала.

Братскую руку социалистической помощи протянул своему младшему собрату трудовой Баку. В Башкирию поехали опытные бакинские мастера — специалисты по добыче горючего, бурильщики, геологи. Во «Второе Баку» отправлялись станки, бурильные инструменты.

Так зародилась дружба нефтяников Азербайджана и Башкирии. «Нефтяная почва» — источник волчьей борьбы, кровавых столкновений в странах капитала — послужила в Советской стране сближению двух народов, возрожденных Великим Октябрем.

Их дружба крепла с каждым годом. Нефтяники Азербайджана и Башкирии соревнуются друг с другом. Обмен опытом, взаимная информация, тесная творческая связь помогают им добывать все больше и больше горючего.

В Баку знают о мастерстве башкирского бурильщика Р. Аллаярова, добившегося высоких скоростей проходки скважин. Он соревнуется с молодым бакинским мастером Ага Дадаш Кербалай оглы, установившим в этом году всесоюзный рекорд скорости бурения. Друзья переписываются, рассказывают друг другу о своих успехах, делятся планами на будущее.

С большим интересом изучают башкирские нефтяники опыт Бу-

Нефтяники Башкирии в гостях у бакинцев. Члены делегации беседуют с буровым мастером Бузовнинской конторы бурения Шарифом Фаткулиевым (крайний справа).
Фото С. Кулишова

зовинской конторы бурения, которую в Баку называют «академией высоких скоростей». Методы работы знатных людей этой конторы — Ага Дадаш Кербалай оглы, Мамеда Вели, Меджида Расулова, Шарифа Фаткулиева — применяют многие башкирские буровики. И применяют с успехом.

Во время своего последнего приезда в Азербайджан делегация Башкирии внимательно знакомилась с делами бакинцев. Гости побывали на промыслах, заводах. А перед отъездом домой написали письмо.

«Очень популярно у нас,— писали они,— соревнование с бакинскими нефтяниками. Мы учимся у славного бакинского коллектива высокой организованности и перенимаем его славные традиции. Мы высоко ценим заслуги азербайджанских нефтяников в развитии нефтяной промышленности Башкирии и с благодарностью принимаем повседневную помощь Баку».

Есть в директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану такая цифра: на 85 процентов должна увеличиться за пятилетие добыча нефти в нашей стране. Во имя достижения этой заветной цели дружно работают нефтяники двух братских республик.

К. АЛЕКСАНДРОВ

На литовском заводе

В поселке Ново-Вильня, в нескольких километрах от Вильнюса, была маленькая кружевная фабрика. В 1941 году по решению советского правительства рядом с фабрикой стали возводить цехи большого станкостроительного завода. После войны на их месте осталась лишь груда развалин. Всю работу пришлось начинать сначала.

Ежедневно холмистой дорогой от Вильнюсского вокзала к Ново-Вильне шли грузовые автомобили со строительными материалами. Потом местные жители увидели на машинах большие ящики с названиями станций отправления: «Москва», «Новосибирск», «Одесса». Это заводы братских республик посылали свои лучшие станки первенцу литовской индустрии, заводу «Жальгирис».

А вскоре в Ново-Вильне появились русские, украинские и латышские мастера; они монтировали оборудование. Потом начался набор рабочих. Большинство из них — литовские крестьяне — впервые в жизни увидели станки. В цехах они встретили учителей — прибывших сюда из Москвы и Ленинграда, Минска и Риги опытных токарей.

Фабионас Страздас работал кузнецом в деревне Айжёню. Узнав о том, что «Жальгирису» нужны рабочие, он отправился в Ново-Вильню, и уже через несколько месяцев его имя появилось на Доске почета.

— Вполне вероятно, что литовские токари со временем и сами дошли бы до скоростного режима резания,— рассказывает Страздас.— Но для этого нужны были бы долгие годы. А нам медлить нельзя. Станки новые, и работать нужно на них по-новому.

Помощь пришла от русских друзей. Весной нынешнего года на «Жальгирис» приехал лауреат Сталинской премии знатный токарь московского завода имени С. Орджоникидзе Юрий Диков.

В большом цехе собрались почти все рабочие «Жальгириса». Сотни людей следили за точно рассчитанными движениями рук московского токаря, демонстрировавшего методы скоростного резания металла. А на следующее утро Диков ходил от станка к станку, поправлял, показывал и помогал.

Все, что рассказал и показал Диков, произвело огромное впечатление на Страздаса. Вечером в кругу друзей, дома только и разговоров было, что о Дикове, о методах работы русского токаря. На другой день после отъезда Ю. Дикова выработка Страздаса увеличилась вдвое. Теперь он выполняет дневное задание на 250—300 процентов. И не только Страздас. Десятки токарей, фрезеровщиков и строгальщиков стали работать по методу Дикова.

Станки с маркой литовского завода «Жальгирис» уже идут во все концы Советского Союза и в страны народной демократии.

С помощью братских республик растет индустрия советской Литвы, которую когда-то называли захолустьем Европы, аграрным придатком индустриальных капиталистических государств. Воплощаются в жизнь директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану: Литва становится индустриальной.

Н. ХРАБРОВА

Фабионас Страздас (справа) обучает молодых токарей Вилюса Лисявичюса и Вячеслава Тихомирова методу Юрия Дикова.

Фото С. Розенфельда

РУССКИЙ ЯЗЫК

Л. ГУРУНЦ и Г. БАГРАЗЯН

Двери школы закрываются. Рабочий день Араксии Айрапетовны Аревшатян окончен.

Учительница идет по притихшему двору. Два мальчика возятся в углу. При виде учительницы они прячут за спины руки: должно быть, играли в бабки.

Араксия Айрапетовна проходит мимо, стараясь показать, что она не замечает смущения школьников. Пусть играют: на то и дети, чтобы резвились.

Дом, в котором живет Араксия Айрапетовна, находится неподалеку от школы, но старая учительница добирается до него только часа через два.

Нубар Петросян недавно прибыл из-за океана на родину. Нужно помочь мальчику. Леник Саркисян написал вторую контрольную работу неудовлетворительно. Обязательно надо поговорить с его матерью.

Араксия Айрапетовна идет кружным путем. На площади Ленина каменщики заканчивают облицовку фасада здания филармонии. На улице Арсена Амиряна в многоэтажный дом, с которого только что сняли строительные леса, въезжают жильцы. Новая каменная раковина возникла на углу улицы. Из нее бьет маленький фонтанчик — живительная, чистая струя.

То и дело встречаются знакомые. Они почтительно кланяются Араксии Айрапетовне. Бывшие ученики, которые стали учителями, врачами, архитекторами, приветствуют старую учительницу. А сколько еще таких учеников и учениц, которым она показала первую русскую букву, живет и трудится в других городах!

* * *

Армянская деревня близ Карса, по ту сторону русской границы. Глинобитный, облупленный домишко, выстроенный на жалкие гроши крестьянами, приютил в своих стенах школьников. Сидеть в «классах» было не на чем. Ученики приносили из дому и подстилали под себя кусок войлока или мешковины. Многие устраивались прямо на земляном полу.

Окна класса смотрели на голые горы. Перед глазами учеников всегда было унылое однообразие.

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом...

Ученик с едва заметным пушком на верхней губе стоял посреди класса и по-мальчишески задорно читал. Учитель, одетый в старенький, потертый сюртук, внимательно слушал и в такт чтению легонько покачивал склоненной набок головой.

Шел обычный урок русского языка. Вел его Айрапет Газарян, отец Араксии Аревшатян. Сорок восемь лет, почти полвека, проработал он сельским учителем.

— Айрапет,— говорили ему сельчане,— под турком мы даже на родном языке друг с другом не здороваемся, а зачем нашим детям еще и русский язык?

— Надо! — коротко отвечал учитель.

...Слухи о начавшейся резне свалились, как снег на голову. Деревня поднялась. Жители снялись с места и пошли на север, в Россию, в русскую Армению.

Айрапет со всем своим семейством присоединился к народу.

Люди шли молча мимо своих домов, навсегда покидая обжитые, родные места. На окраине села, у школы, Айрапет Газарян замедлил шаг. Двери и окна глинобитного дома были заколочены досками. Сердце старика дрогнуло, ноги подкосились. Учитель сел у дороги и долго смотрел на опустевшую школу. Поток людей, повозок, навьюченных ослов продолжал двигаться. Колеса повозок жалобно скрипели. Плакали дети, блеяли овцы. Возчики поторапливали своих быков. Люди все шли и шли. Они шли на север: там было спасение.

А с юга двигались турецкие янычары. На бешеных скакунах они налетали, как черный смерч, и за ними оставались изуродованные трупы и дымящиеся лужи крови.

На всю жизнь запомнилась маленькой Араксии эта страшная дорога смерти.

Русские солдаты, возвращавшиеся после войны на родину, подбирали ослабевших стариков и немощных детей. Подобрали они и старого учителя Айрапета. Но не вынес отец Араксии ужасов тех дней, умер на пути в Ереван. Араксии навсегда запомнились его последние слова:

— Меня часто спрашивали: зачем я учу наших детей русскому языку? Теперь, надеюсь, все увидели, зачем... Язык наших спасителей нужно знать... Идите, дети мои! Идите к русским. Они не оставят вас в беде.

* * *

«Товарищи!» — это русское слово принесло армянам счастье. Все должны знать, откуда пришло это слово.

Оно пришло в 1920 году. В майский день человек вбежал в дом с криком: «Солдаты!»

По улице действительно шли войска, но это были не дашнакские солдаты. На головах у них были краснозвездные матерчатые шлемы.

Кто-то показал пальцем на одного из этих солдат и вопросительно сказал:

— Товарищ?

— Товарищи! Товарищи! — отозвался солдат и обнял того, кто спрашивал.

Кто забудет того солдата в островерхом шлеме!

Так было сказано первое слово — «товарищ». Оно пришло из России.

* * *

Красные части отвоевали, освободили землю. После них могли начать работу комиссии по разделу земли. Такие комиссии побывали в каждом селе, и везде жители выходили посмотреть на землемеров.

— Что, сынок,— хватая гостей за рукава, спрашивали крестьяне,— землю нам даром дадите или... как?

Землемеры не понимали по-армянски и только улыбались.

Старики потихоньку крестились.

Землемеры отправились в поле. Стоял еще май, но было уже тепло. С гор, журча, бежали ручьи, и воздух был наполнен птичьим гомоном и веселыми людскими голосами.

Осторожно, чтобы не помять всходов, землемеры переносили инструменты с места на место. Толпа сопровождала их. Тут были старики и старухи, тут были женщины в пестрых праздничных платьях, девушки и парни, тут были дети.

Старики внимательно следили за работой землемеров и после установки каждого межевого знака предлагали «откушать».

Девушки разносили кувшины с холодной ключевой водой. Какой-то древний старик, взяв за руку высокого землемера с рыжими усами, повел его по полю.

— Вот здесь,— говорил он, заскорузлым пальцем показывая на межу,— был убит человек. Брат убил брата за локоть земли. А вот тут, — показал он на другую межу, — Месропу размозжили череп...

Лента рулетки поблескивала на солнце. По полю, разнося вешки и втыкая колья, двигались люди.

...Три дня шел обмер земли. Труженики-крестьяне получали земли беков.

Пройдут годы — и станут стариками те, кто был свидетелем этого замечательного события, и будут хвастаться этим перед своими внучатами. «Земля крестьянам!» — эти слова также впервые услышали армяне на русском языке.

* * *

Окна класса распахнулись настежь. В теплом, неподвижном воздухе пламенеют сосны, черепичные крыши домов и высокие трубы заводов. Густо пахнет вянущими травами и листвой. От самой школы, вверх по склону Канакерского плато и до самого Норка раскинулись сады. В открытые окна врывается стозвучный шум улицы: звонки трамваев, сигналы автомашин, крики играющих ребятишек.

В классной комнате тихо. Усердно скрипят ученические перья. Солнечный зайчик прыгнул на крашеный пол и замер, словно выжидая, когда же эти всегда озорные мальчишки оторвутся от своего дела и посмотрят на него. Но ученики восьмого класса «Д» заняты сейчас важным делом. Они пишут сочинение на свободную тему.

Над тетрадями склонились головы — светлые, темные и совсем черные, стриженые, курчавые, с зачесами и просто вихрастые. На лицах у всех сосредоточенность.

В классе тишина.

Учительница обходит ряды парт и сверху, через плечо, заглядывает в тетради. Глаза ее выхватывают обрывки фраз, заголовки работ. Каждый из учеников пишет сейчас о самом красивом и ярком, что особенно запечатлелось в сердце. Коротко это можно назвать одним большим и емким по смыслу словом — «Родина». Армянские мальчики на русском языке излагают свое самое сокровенное и задушевное. Русскому языку их учит заслуженная учительница республики Араксия Айрапетовна Аревшатян.

Учительница медленно обходит парты. Вдруг она останавливается у одной: ее привлек заголовок ученического сочинения: «За что я люблю русский язык?»

Пятьдесят лет тому назад, маленькой девочкой, учительница слышала эти слова от своего отца.

Араксия Аревшатян, некогда спасенная русскими солдатами, стоит у парты Левона Барсегяна. Глаза у мальчика точь-в-точь такие же, как и у того подростка, который читал стихи Лермонтова там, в далекой армянской деревне близ Карса.

Теплая и мягкая рука учительницы легла на голову Барсегяна:

— А ну, мой мальчик, расскажи нам: за что же ты любишь русский язык?

Ученик поднимается и, немного волнуясь, говорит:

— Я люблю русский язык потому, что на этом языке говорит товарищ Кравцов. А он спас моего отца от смерти.

— Спас твоего отца? — спрашивает учительница.— А кто же он, этот Кравцов!

— У моего папы на фронте был товарищ. Когда они шли в наступление на Киев, папа мой был тяжело ранен. Дядя Алеша тоже был ранен, но только легко. Дядя Алеша вытащил на себе моего отца из боя...

* * *

Сады Канакерского плато пылают желтым пламенем заката.

Араксия Айрапетовна Аревшатян возвращается из школы. Она идет не кружным путем, как обычно, а напрямик. Она торопится домой: сегодня Мариам, ее дочь, в этом году окончившая педагогический институт, получает назначение. В министерстве ей должны были сказать, где она будет учительствовать.

Едва Араксия Айрапетовна успевает открыть дверь, как в переднюю выскакивает Мариам. За ней появляются ее подруги по институту: Лиля, Мария, Лена.

— Мама! — обрадованно вскрикивает Мариам.— Поздравь! Назначили! В Аштарак!

Мать, взволнованная, молчит, идет в комнату и, присев к столу, произносит медленно и торжественно:

— Благословляю, дочь моя! Иди и служи великому делу! Мы с твоим дедом отдали этому делу более восьмидесяти лет. Твое счастье полнее: ты будешь учить детей уже при коммунизме. Мой отец никогда не уставал повторять: русские выведут нас, армян, на светлый путь!

Араксия Айрапетовна часто совершает со своими учениками прогулки по Еревану. С площади имени Ленина открывается вид на самую красивую часть города.

Фото А. Джалаляна

ЦЕЛЬ ОДНА: ОБЕСП

Алексей СУРКОВ

Фото В. Савостьянова (ТАСС)

Председатель Австрийского совета сторонников мира пастор Эрвин Кок приветствует делегатов Конгресса. «Вопросы и проблемы, которые будут здесь обсуждены, — сказал он, — имеют жизненно важное значение для настоящего и будущего Австрии и ее населения. Преисполненные надежды, миролюбивые люди нашей страны ожидают, что этот Всемирный конгресс устранит опасность войны, положит конец страху и выбьет оружие у сил разрушения».

В Вене, в центре города, в огромном сером здании Концертхауза, протекает работа Конгресса народов в защиту мира. Посланцы свыше восьмидесяти стран, флаги которых украсили трибуну президиума, присутствуют в зале Конгресса. И в президиуме и в зале мы видим людей, известных на всех континентах, выдающихся борцов за мир, ученых, писателей, политических деятелей. Здесь представители православной церкви и католики, евангелисты и мусульмане, буддисты и представители других религий. Среди участников Конгресса — люди самых разнообразных политических убеждений. Мы видим здесь и лейбористов, и христианских демократов, либералов, социалистов, коммунистов. Они все собрались в Вену, чтобы с высокой трибуны Конгресса выразить волю пославших их народов, волю к миру и дружбе между народами.

— Народы, которые в действительности подготовили этот Конгресс, избрали внушительное представительство. Никто не сможет отрицать, что это представительство различных наций имеет подлинно всемирный характер.

С той самой торжественной минуты, когда Фредерик Жолио-Кюри произнес эти слова в своей вступительной речи, мы, делегаты, живем в деловой атмосфере открытой дискуссии. На трибуну один за другим поднимаются представители многих наций. С волнением делегаты выслушали политически острое, глубокое выступление бывшего рейхсканцлера Германии Иозефа Вирта, который рассказал Конгрессу о работе состоявшейся недавно в Берлине Международной конференции для мирного разрешения германской проблемы. Большой интерес вызвали выступления депутата итальянского парламента Терранова, известного французского писателя Жан-Поля Сартра.

С огромным вниманием Конгресс выслушал речь представительницы многомиллионного народа Китайской Народной Республики, благородной деятельницы борьбы за мир и прогресс, Сун Цзин-лин. Делегаты стоя встретили ее появление на трибуне и стоя проводили ее.

Трудно пересказать все, что происходит на Конгрессе, но я не могу не рассказать о том волнующем моменте, когда председательствующий дал слово Кин Ен Сун, представляющей на Конгрессе героический народ Кореи. Она приехала в Вену, чтобы обратиться к делегатам Конгресса народов со словом правды о великом страдании и о великом мужестве своего народа, чтобы призвать совесть народов к прекращению войны. Огромная овация покрыла последние слова корейской женщины. Зал гремел от аплодисментов. Сотни людей стремились пожать руку этой одетой в белое кореянке, они подняли ее на руках и понесли к тому месту в зале, где она сидела.

В эту минуту я вспомнил о ее мужественной соотечественнице, Пак Ден Ай, которую так же сердечно и взволнованно приветствовал Варшавский конгресс сторонников мира два года назад. В подчеркнутом уважении представителей всех народов к корейским делегатам каждый видит, с каким горячим сочувствием и любовью относятся люди всех наций и народов к многострадальной борющейся Корее.

← Вступительное слово произносит председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри.

Предварительную дискуссию, начатую по предложению ряда делегатов, открыл глава индийской делегации доктор Китчлу. «Индия не хочет,— заявил он,— чтобы ее ресурсы использовались врагами человечества в интересах войны».

ЕЧИТЬ МИР!

15 декабря мы были свидетелями еще одной необыкновенно сердечной встречи. С трибуны Конгресса выступал делегат Вьетнама Ле Дин Там. О чем думают, мечтают, во что верят простые вьетнамские люди? Они отстаивают независимость своей страны и тем самым борются за мир. Они верят в солидарность народов Азии, опираются на поддержку всех народов, борющихся против колониального режима.

Глубокое впечатление на делегатов Конгресса произвела речь итальянского сенатора Нитти. Он говорил о движении за мирное разрешение германского вопроса, призывал добиваться того, чтобы агрессивные Боннский и Парижский договоры не были ратифицированы. Конгресс тепло встретил это выступление.

На второй день работы Конгресса на площади перед парламентом, знаменитом венском Ринге, собрались тысячи жителей австрийской столицы. Это была демонстрация воли и решимости австрийского народа к миру.

Демонстрация продолжалась более двух часов. На Рингштрассе можно было встретить рабочих венских заводов и фабрик, молодежь и стариков. Многие жительницы Вены вышли **на демонстрацию с детьми. Над детскими колясками развевались лозунги: «Мир — это счастье семьи!», «Если вы хотите счастья детей,— защищайте их от пушек!», «Мир Корее, мир всему миру!»**

Рабочая, трудовая Вена проходила перед трибуной, на которой находились делегаты Конгресса народов; она вопреки заговору буржуазной печати приветствовала Конгресс народов. Да, буржуазная печать, словно по команде, ни одним словом не обмолвилась о Конгрессе. Но дело Конгресса — благородное дело. Оно в сердце каждого труженика Вены. Оно в сердце народов всей нашей планеты. Об этом говорят тысячи приветствий, которые Конгресс получает из всех уголков земного шара. Вот одно такое послание, присланное из Греции,— его подписали 100 жителей Коридалоса (район Пирея).

«Приветствуем Конгресс и присоединяем к его голосу свои голоса в защиту мирной и радостной жизни. Мы не хотим больше войны, могил, инвалидов, сирот, не хотим тюрем и концлагерей. Мы желаем мира, работы и восстановления».

...Сейчас разгар работы Конгресса. Начались заседания различных комиссий. Можно твердо сказать: несмотря на самые различные оттенки взглядов и мнений, всех делегатов Конгресса объединяет уверенность в том, что мир может и должен быть сохранен. Главная цель Конгресса одна — обеспечить прочный мир, объединить усилия всех честных людей и всех организаций, борющихся за мир, противопоставить их решимость, их единую волю темным силам реакции, пытающимся развязать новую мировую войну.

Эта благородная цель будет достигнута, потому что этого хотят народы.

Вена. 15 декабря 1952 года.

На трибуне Терранова — представитель итальянского Парламентского согласительного комитета защиты мира, объединяющего депутатов различных итальянских партий.

Здание Концертхауза, где проходит Конгресс народов в защиту мира.

МИРНЫЕ ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Советские люди срывают последние листки календаря 1952 года. Они тепло прощаются с уходящим годом, поминая его добрым словом.

Это был год, когда в Москве заседал XIX съезд Коммунистической партии, начертавший великую программу борьбы за постепенный переход от социализма к коммунизму. Это был год, когда все человечество получило на вооружение гениальный труд корифея науки И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Это был год, когда каждый из нас явственно ощутил, что народ наш сделал еще один шаг вперед на пути к коммунизму. Открылся Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина — первенец великих строек, выросли корпуса новых предприятий, на поля пришли еще более совершенные машины, колхозники вырастили богатые урожаи. Советская страна стала могущественнее, жизнь ее граждан — богаче, веселее, краше.

Конец уходящего года ознаменовался еще одним большим событием в жизни советского народа. В столице нашей Родины состоялась Четвертая Всесоюзная Конференция сторонников мира. Ее делегатами были знатные рабочие и колхозники, ученые и артисты, учителя и агрономы. Миролюбивые труженики, они собрались здесь, чтобы от имени всего советского народа решительно заявить: «Мы стоим за мир, ибо считаем всякую агрессивную войну преступлением против человечества! Но мы не боимся угроз поджигателей войны. Нас не запугаешь!»

Корреспонденты «Огонька», провожая дорогих гостей столицы домой, обратились к ним с двумя вопросами:

— Что было самым примечательным в вашей личной жизни в минувшем году?

— Каковы ваши планы на 1953 год?

В их коротких рассказах рисуется яркий облик советского человека, у которого его личные радости, радости его семьи и друзей неотделимы от радостей всего нашего народа, успехов всей Советской страны.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Герой Советского Союза
Мелитон Кантария,
проходчик шахты
имени Л. П. Берия.
Грузинская ССР.

Семь лет прошло с того майского дня, когда вместе с сержантом Мишей Егоровым мы водрузили знамя Победы на куполе рейхстага.

Миша вернулся домой, заведует в колхозе животноводческой фермой. Я сперва тоже поехал в родное село Бедия и стал там звеньевым. Кукурузу выращивали хорошую. Но вот как-то познакомился я на одной из сессий Верховного Совета Грузинской ССР со знатным нашим шахтером Василием Петровичем Житниковым. Стал он мне рассказывать о шахтерской жизни да так заинтересовал, что я готов был прямо из Тбилиси поехать с ним работать на шахту. Вернулся я в колхоз, обо всем откровенно рассказал товарищам и попросил, чтоб они отпустили меня на новую работу. Долго спорили, отговаривали, но все же я своего добился. Стал проходчиком. Нелегко было овладеть этой профессией, но тут друзья, а особенно Василий Петрович, помогли. Во все тонкости своего ремесла посвятили.

И теперь рядом с моей фамилией на доске выполнения месячного плана можно встретить цифры: 300, 320, 380 процентов. Счастлив я, когда подойдет ко мне Василий Петрович или кто-нибудь другой из моих учителей, пожмет руку и поздравит. Вижу, что они тоже радуются моим успехам, и хочется мне достигнуть еще большего.

Однажды на шахте я невольно вспомнил, как мы в Берлине с Мишей Егоровым доложили своему полковнику, что приказ выполнен и знамя на рейхстаге водружено. Вспомнилось это в тот самый день, когда наша шахта завоевала переходящее знамя.

Теперь и я хожу в «стариках» и дал слово в 1953 году подготовить двух молодых проходчиков.

ДВА АГРОНОМА

Герой Социалистического
Труда
Александр Воронов,
председатель колхоза
«Крейсер «Аврора».
Кировская область.

Вы спрашиваете, какой день 1952 года был для меня самым памятным. Ответить на этот вопрос не так-то просто. Посудите сами: в нынешнем году приняли меня кандидатом в члены партии. Знаменательное событие? Знаменательное. В нынешнем году я получил диплом агронома. После трех лет учебы в городе Кирове я вновь вернулся домой, в свою семью. И, наконец, этой же осенью меня избрали председателем колхоза.

Случись вам попасть на наши поля, когда агроном нашего колхоза Александра Матвеевна знакомила нового председателя с хозяйством, вы бы получили ясное представление и о моих планах на 1953 год. Пахотной земли у нас почти полторы тысячи гектаров. Несколько лет назад мне, тогда еще колхозному бригадиру, удалось на небольшой части этой площади снять по 30,3 центнера ржи с гектара. Понятно, что теперь я больше всего думаю о том, как повысить урожай во всем колхозе. Говорили мы с Александрой Матвеевной и о другом: о постройке новых животноводческих ферм, о расширении колхозного сада, о межколхозной электростанции.

Но вот наступил вечер, и мы вернулись домой. На пороге нас встретили наши дети (их у нас четверо), и уж тут разговор двух агрономов больше касался вопросов воспитания. С будущего года наш старший сын пойдет впервые в школу. Кто знает: может, ему суждено стать третьим агрономом в нашей семье?..

ТЕТРАДЬ

Лина Пассар, студентка
педагогического училища.
Николаевск-на-Амуре.

Я расскажу вам о том, как в моей тетрадке появились эти рисунки. Мне 17 лет. Я родилась на Дальнем Востоке, в крошечной нанайской деревушке, где все население занято охотой и рыбной ловлей. Иногда, во время каникул, я тоже хожу с отцом в тайгу бить белку. Впрочем, это только так говорится: «хожу бить белку». Ружья отец не дает и шутя называет меня своим «старшим поваром». Таких слов у нас прежде не знали, отец их привез с войны. Он был солдатом и дошел до самой Праги. Я хорошо помню, как он, вернувшись домой, показывал нам народные пляски румын, венгров, чехов. Нас, ребят, это все очень забавляло, и мы старались ему подражать: прихлопывали, как и он, в ладоши, плясали, мурлыкали себе под нос незнакомые песни. Рассказывал он, как живут в разных странах, о чем там люди думают, мечтают.

— Все, что ты, Николай, рассказываешь, интересно, — говорили ему наши старики, — но как ты все это мог узнать, когда по-ихнему не понимаешь?

— Простые люди всегда друг с другом договорятся, — отвечал отец.

Так вот, в последних числах ноября меня назначили пионервожатой. Я только подумала о том, чему посвятить первый сбор, как узнаю, что наши дальневосточники посылают меня делегатом на Четвертую Всесоюзную Конференцию сторонников мира. Я села в самолет и через несколько десятков часов уже была в Москве. Здесь меня избрали в президиум, и моим соседом оказался наш гость — вьетнамец. Я много читала о героической борьбе этого народа, но согласитесь, что, оказавшись рядом с таким человеком, захочется узнать о Вьетнаме еще больше. Видно, и он заинтересовался тем, кто я, откуда приехала. Тут-то и появился в моей тетрадке первый рисунок.

Я нарисовала свою деревушку, сопки, маленькое озеро, а он свое селение во Вьетнаме. Я нарисовала нанайского охотника с трубочкой, а он вьетнамского воина. Я нарисовала своих пионеров, а он вьетнамских детишек. Рисунок за рисунком... Война и мир... Вот, смотрите, на одной и той же страничке вьетнамский юноша подносит снаряд к орудию и нанайский парень сидит за партой в классе. Мне хотелось сказать своему соседу, что у нас в стране все верят в победу вьетнамцев. И еще поделиться своими личными планами. Хочу, когда окончу педучилище, поступить в университет. Я нарисовала высотное здание Московского университета. И тут вьетнамец как-то особенно ласково посмотрел на меня, взял из моих рук тетрадь и печатными буквами по-русски старательно вывел: Сталин.

Вот, смотрите!

Чему я посвящу первый сбор своего отряда, вы уже, наверное, догадались.

ЗА ИЗОБИЛИЕ!

Герой Социалистического
Труда П. Н. Ангелина,
бригадир
тракторной бригады.
Сталинская область, УССР.

Я была делегатом XIX съезда партии, и это — самое важное и самое радостное для меня событие 1952 года. Никогда не забуду, с каким воодушевлением съезд утверждал новый пятилетний план, который сегодня по всей нашей стране воплощается в жизнь.

Съезд потребовал в короткий срок создать в нашей стране обилие продовольствия. Работать в 1953 году так, чтобы эта директива скорее была выполнена, — вот в чем я вижу свою самую главную задачу в наступающем году.

Что касается моих личных планов, то упомяну об одном: в 1953 году буду провожать в столицу свою старшую дочь, Светлану: она заканчивает 10-й класс и намерена поступить в Московский университет.

ЭСТОНСКИЕ УЧЕНЫЕ НА ОСТРОВЕ СААРЕМАА

Лауреат Сталинской премии
И. Г. Эйхвельд, президент
Академии наук
Эстонской ССР.

На эстонских островах земля бедная, нечего ждать от нее чего-нибудь хорошего — так раньше думали в Эстонии. Буржуазные ученые приезжали на остров Сааремаа, видели, как много здесь камней и болот, и говорили: «Наука бессильна помочь здешним жителям».

В 1952 году на этом острове состоялась научная сессия нашей республиканской Академии наук. Ученые вместе с крестьянами пришли к выводу: наука может помочь жителям Сааремаа и других островов Моонзундского архипелага! И сегодня там уже работает много разных машин: тракторы, бульдозеры, канавокопатели, землесосы, кусторезы.

Дневник
ОГОНЬКА

В 1953 году островитяне должны получить высокие урожаи зерновых и картофеля. На их землях будут посажены леса, зазеленеют луга, зацветут сады. Небывалого успеха достигнет животноводство.

Над осуществлением этих больших планов вместе с жителями островов будут трудиться и многие советские ученые, в том числе и я.

МОЛОДЕЕМ С КАЖДЫМ ГОДОМ!

Металлург В. П. Мамонтов. Сталинск.

Есть города, биографии которых похожи на биографии их жителей. Нашему Сталинску исполнилось в нынешнем году 20 лет. Мы вместе росли, вместе теперь молодеем.

Именно молодеем!

Я приехал в эти края, когда здесь были лишь болота. А ныне — приезжайте в Сталинск, и вы увидите замечательный город. Как говорится: ни в сказке сказать, ни пером описать.

В день 20-летия Сталинска я был награжден орденом «Знак почета». Это было в апреле 1952 года. В наступающем году надеюсь получить еще одну правительственную награду — орден Ленина — за двадцать лет работы в металлургической промышленности. И еще одним, правда, не таким важным, но тоже приятным, событием будет отмечен для меня 1953 год: я закончу курсы мастеров социалистического труда.

ТАК И БУДЕТ

Татьяна Киргилова, учительница средней школы. Горно-Алтайская область.

В конце августа нынешнего года я стояла у окна и смотрела, как родители привозят своих ребят в школу: на машинах, повозках, верхом. Через несколько дней должен был начаться новый учебный год. Для меня он был во всех отношениях новым. Впервые в жизни мне предстояло войти в класс не ученицей, а учительницей.

Еще недавно и меня, как и этих ребят, везли учиться в Горно-Алтайск. Правда, сделали это не мои родители. Мне едва исполнилось восемь лет, когда я потеряла мать, а через год погиб на фронте отец. Я осталась одна. Обо мне позаботилось наше родное государство. В девятнадцать лет я закончила учительский институт.

23 октября в моем классе назначили открытый урок. Собрались учителя чуть ли не со всей школы. Нетрудно представить себе, что я в тот день пережила. Успокоилась лишь после того, как педагогический совет признал, что урок был проведен хорошо. Вскоре пришла новая тревога: две девочки получили двойки. Этот случай мы обсуждали на пионерском сборе. Девочкам помогли наши лучшие ученики.

О чем я сейчас мечтаю? В новый, 1953 год мой класс должен вступить с отличными и хорошими оценками. Думаю, что так оно и случится.

ВТОРАЯ ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Дважды Герой Социалистического Труда С. Д. Виштак. Колхоз имени Молотова. Киевская область.

В своем докладе на XIX съезде партии товарищ Г. М. Маленков сказал, что в прошлом году валовой урожай зерна составил 8 миллиардов пудов и что, таким образом, зерновая проблема в нашей стране окончательно решена. Мне радостно сознавать, что тут есть доля и моего труда.

Сразу же после войны у нас в колхозе началась борьба за высокие урожаи. В 1948 году мне удалось собрать по 33,6 центнера пшеницы с гектара. За это мне присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1952 году я награждена второй медалью «Золотая звезда». В конце этого же года в моей жизни произошло еще одно радостное событие — я впервые побывала в Москве.

Что касается планов на будущее, то они выражены в двух цифрах: с каждого гектара площади собрать 700 центнеров свеклы и 110 центнеров кукурузы. Это будет мой вклад в дело борьбы за мир и мой ответ на директивы съезда партии.

У НАС В СЫКТЫВКАРЕ

О. С. Чебанова, заслуженный врач РСФСР и Коми АССР.

У нас в Сыктывкаре открылся в нынешнем году новый родильный дом. Он ничем не уступает медицинским учреждениям столицы. Этим мы все гордимся. Но сейчас мне хотелось сказать о другом. Пока шло строительство, мы, врачи, часто туда наведывались, беседовали с рабочими, объясняли им, какое большое значение имеет это здание для жизни женщин нашей республики.

— Ведь вашим же женам придется здесь рожать,— сказала я однажды шутя рабочим, которые отделывали палату,— так уж постарайтесь.

И вот дом открыт. Родился новый гражданин. Красивый, здоровый, настоящий крепыш. Однажды подходит ко мне вместе с женой отец этого малыша и радостно говорит:

— А ведь вы, Ольга Степановна, были правы. Парень-то мой родился в той самой палате, которую отделывала наша бригада.

Кажется, ничего особенного человек не сказал, а меня слова эти взволновали.

Я вспомнила, в каких ужасных условиях до революции рожали наши женщины-коми.

И вот передо мной стояла счастливая мать. Она рожала в таких идеальных условиях, которые прежде даже не могли ей сниться.

МОЯ СЕМЬЯ

А. Иванова, заведующая начальной школой. Южно-Сахалинск.

В этом году мне присвоили звание заслуженной учительницы школы республики. В нашей семье произошло и другое событие: моя старшая дочь, Ангелина, закончила в Южно-Сахалинске учительский институт.

Если бы Антон Павлович Чехов был сейчас жив и вновь занялся переписью населения Сахалина, он, зайдя в наш дом, записал бы, что все пятеро моих детей учатся. Об Ангелине я уже сказала. Галина тоже учится в институте, Валентина — в педагогическом училище, Людмила заканчивает десятый класс, Геннадий — ученик седьмого класса.

Я не ошибусь, если скажу, что судьба моей семьи похожа на судьбы многих тысяч семейств советского Сахалина. С каждым годом количество учащихся на острове увеличивается. На Сахалине — сперва на Северном, а затем на Южном — я проработала четверть века, и рост людей происходил на моих глазах. В одном лишь нашем городе пятнадцать школ.

НОВАЯ КНИГА

М. Р. Голубкова, сказительница из Архангельска.

В 1952 году вышла моя книга «Мать-Печора», и для меня это был большой праздник.

Писать я начала лет пятнадцать назад. В наступающем году мне исполнится 60 лет. К этому времени выйдет еще одна моя книга, о том, как наша советская власть преобразовала далекие и холодные северные края. Эта книга будет называться «Отогретая земля».

Много радостных дней было у меня в заканчивающемся году, а в новом, наверное, будет еще больше. Счастливые, светлые дни! Как по ступенькам, поднимаемся мы по ним и видим все дальше и дальше. Страна наша встречает новый год молодой, цветущей, уверенной в силах своих сыновей и в силах своих друзей.

ОКНА ВЫХОДЯТ НА АМУР

Г. Силютина, депутат городского совета Комсомольска-на-Амуре.

Кто бывал у нас, в Комсомольске-на-Амуре, когда он только начал строиться, тот, наверное, помнит историю «ледового похода». В пургу, проваливаясь в снежные сугробы, шли по замерзшему Амуру будущие строители города — комсомольцы Москвы, Ленинграда, Киева... Четыреста километров прошли они так, прежде чем перед ними замигали тусклые огоньки. Это и было селение, где заложили новый город.

Теперь на этом месте раскинулся один из красивейших городов Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре продолжает расти. Все чаще слышишь, как комсомольчане сравнивают свои улицы с улицами столицы. Что ж, оснований для этого много. Пройдите по Ленинскому проспекту, аллее Труда, загляните в наш парк Строителей, и вы в этом убедитесь.

В нынешнем году двадцать третий квартал Пионерской улицы «подошел» к самому Амуру. Скоро начнется строительство новой набережной. Жить в большом, многоэтажном доме, окна которого выходят на Амур! Я, например, ничего более живописного, чем наша могучая река, не представляю.

Я инженер. После окончания института работала технологом, а теперь руковожу цехом. В наше время, когда перед инженерами ставятся все новые и новые задачи, довольствоваться только специальным образованием уже нельзя. В 1952 году я поступила в университет марксизма-ленинизма. Мечтаю в ближайшее время пойти в аспирантуру с тем, чтобы потом вновь вернуться к своей работе, но уже с новыми, более обширными знаниями.

ЗАВЕРШАЮ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЯТИЛЕТКИ

Почетный шахтер Ф. К. Королев. Шахта имени В. И. Ленина. Молотовская область.

Этот год для меня необыкновенный: я получил звание лучшего забойщика бассейна.

В наступающем году хочу завершить выполнение пятилетки. Много хорошего ожидаю и в личной жизни. Дочь Валя переходит в седьмой класс, Анатолий — в шестой, Виктор — в четвертый, Владимир поступит в первый класс, а Валерик пойдет в детский сад — ему пока три года. Но это еще не все. Ожидаем в семье шестого ребенка. Родится он в новом, 1953 году. Видите, я сказал: «он»,— значит, родится сын...

Пять лет Румынской Республики

Пять лет назад, 30 декабря 1947 года, Румыния была провозглашена Народной Республикой. Освобожденный Советской Армией от гитлеровского ига, народ Румынии с небывалым энтузиазмом и верой в свои силы приступил к строительству новой жизни и ныне добился выдающихся успехов в развитии социалистической экономики страны.

В канун пятой годовщины трудящиеся Румынии, выбирая Великое национальное собрание, еще раз продемонстрировали свою верность республике, свое горячее желание построить социализм под руководством Румынской рабочей партии во главе с товарищем Георге Георгиу-Деж.

На снимке слева: Товарищ Георге Георгиу-Деж — генеральный секретарь ЦК Румынской рабочей партии, председатель Совета Министров Румынской Народной Республики — опускает свой бюллетень в избирательную урну в день выборов Великого национального собрания.

Внизу: Стахановка Параскива Матей (Бухарест), избранная депутатом Великого национального собрания Румынской Народной Республики, среди своих избирателей.

Фото Аджер-пресс.

Командное первенство СССР по боксу

В течение пяти дней четырнадцать боксерских команд союзных республик и городов Москвы и Ленинграда оспаривали почетный титул чемпиона СССР.

В личном первенстве участнику достаточно добиться победы в своей весовой категории, в командном первенстве успех слагается из усилий бойцов всех десяти весовых категорий, составляющих команду. Это придает соревнованиям большую остроту.

По условиям первенства, в финале должны были встретиться две команды, не имеющие ни одного поражения. И вот в результате предварительной напряженной борьбы на ринге сошлись боксеры Москвы и Ленинграда.

Встреча боксеров наилегчайшего веса П. Курочкина (Москва) и Н. Гусева (Ленинград) выдвинула вперед ленинградских боксеров. Но тут же легковес Б. Степанов, один из самых техничных бойцов столицы, уверенно добившись победы над Ю. Баканевым, уравнял счет. Соотношение очков — 3 : 3. Ленинградцы с помощью своего полулегковеса чемпиона СССР Ю. Соколова, выигравшего у Ю. Бабкина, снова выходят вперед, а ленинградский легковес П. Левкин, встретившийся с В. Виноградовым, закрепляет лидерство своей команды. Надо отметить, что встреча Левкина и Виноградова была одной из самых интересных. Виноградов, проведший всего 37 боев, смело атаковал опытного мастера, имеющего в своем боевом списке 111 встреч. Левкин побывал в нокдауне, но, несмотря на это, сумел победить.

Судьба первенства во многом зависела от встречи боксеров первого полусреднего веса. Ленинградец, чемпион СССР, Г. Лободин проиграл С. Мулину, и москвичи, сократив разрыв в очках, в следующей же встрече догнали ленинградцев, а затем уверенно ушли вперед, не проиграв больше ни одного боя.

Встреча двух сильнейших боксерских команд страны закончилась со счетом 17 : 13 в пользу москвичей, завоевавших звание чемпиона СССР.

На втором месте команда Ленинграда, на третьем — боксеры Российской Федерации.

В. ВИКТОРОВ

СТАРЕЙШАЯ ШКОЛА В ГРУЗИИ

На днях в Тбилиси отпраздновала свое 150-летие Первая мужская средняя школа имени И. В. Сталина.

На юбилейной выставке и торжественном вечере побывали представители нескольких поколений — в прошлом ученики этой школы. Среди них немало знатных людей республики.

С уважением произносили они имена людей, в свое время также вышедших из стен этого старейшего в Грузии учебного заведения. Виднейшие грузинские писатели и поэты XIX века Илья Чавчавадзе, Александр Казбеги, Николоз Бараташвили, Георгий Эристави, выдающиеся деятели русского и грузинского театров А. Сумбаташвили-Южин, В. Немирович-Данченко, К. Марджанишвили открывают длинный список питомцев школы, носящей славное имя великого Сталина.

И. МЕСХИ

ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ СССР

«НЕДЕЛЯ ТАЙМАНОВА»

7 ДЕКАБРЯ

По регламенту чемпионата после трех туров происходит доигрывание, затем следуют еще два тура, и опять доигрывание. Лишь на восьмой день шахматисты отдыхают. Еще до конца декабря будет выявлен чемпион страны, и двадцать сильнейших шахматистов вместе со всеми трудовыми людьми будут иметь возможность спокойно встретить Новый год.

В первой половине чемпионата, покуда усталость не чувствуется, выходной день многим кажется ненужным. Тот, кто в ударе, хочет укрепить свое положение. Потерпевшие неудачу не могут дождаться следующего вечера, чтобы получить возможность отыграться. Это относится, например, к Бывшеву и Симагину. Они крайне неудачно стартовали и поэтому рвались в бой. Психологически это легко понять. Помню случай из своей практики. Много лет назад я играл с голландским мастером Ландау в Амстердаме. Ландау проиграл первую партию быстро — после 16 ходов. Он расстроился и попросил меня: «Не будем ждать до завтра, начнем сразу вторую партию...». Вторую партию он свел вничью и спал относительно спокойно.

Сегодня Бывшев и Симагин играли с нашими чемпионами.

Ленинградский мастер хорошо разобрался в осложнениях, использовал неточность Кереса и отнял ценное очко у чемпиона страны. У Кереса менее 50 процентов очков — ситуация неприятная и серьезная!

Казалось, что Симагин будет «раздавлен» шахматной машиной Ботвинника. Но нет! Он остроумно начал контрнаступление, и позиция быстро изменилась. В конечном счете чемпион мира был доволен, что спас половину очка. В этом туре ленинградские шахматисты набрали максимальное количество очков.

Корчному явно нравится быть в компании лидеров, и он добился новой победы в партии с Ильивицким.

Лидер турнира Болеславский дал блестящую партию в характерном для советской шахматной школы стиле: ценой материальных потерь он вскрыл линии и диагонали, сокрушительной атакой разгромил опытного участника турнира Кана.

Смыслов в очень тонком эндшпиле оказался дальновиднее Геллера. Первый ноль на счету Геллера!

8 ДЕКАБРЯ

Ботвинник — Бронштейн! В 28-й раз они сели за шахматный столик. Двадцать семь партий не дали преимущества никому из них. Но не только в спортивном результате дело. Партии между ними всегда проходят в острой борьбе. Сегодня встреча приняла необычный характер буквально со второго хода. Бронштейн предложил чемпиону мира королевский гамбит! Этот дебют был популярен в прошлом веке, но современная теория нашла противоядие и считает его маловыгодным для белых. Правда, был случай, когда Керес применил этот гамбит против чемпиона мира Алехина, но без успеха. Бронштейн не получил и намека на атаку, о которой белые мечтают в таком дебюте. Наоборот, он должен был потратить много времени, чтобы отразить контрнаступление черных. После 23-го хода у Бронштейна оставалось всего около 5 минут на 17 ходов. Ему «повезло»: партия кончилась уже на 25-м ходу... Общее впечатление от этой партии: выбор дебюта со стороны Бронштейна был смелым, но неудачным экспериментом.

Керес легко выиграл у Сузтина. Аронин и Кан одержали первые победы. Тайманов выиграл у «труднопробиваемого» Константинопольского.

9 ДЕКАБРЯ

Керес в течение 14 лет играет с Ботвинником как «обреченный»: он проиграл ему 7 партий, а выиграл только одну (в 1948 году). Удивляет главным образом то, что проигрывает Керес почти без борьбы... Так произошло и на этот раз.

Первое поражение потерпел Болеславский от Геллера. Трудно «положить на обе лопатки» мастера Аронина. Сегодня это удалось Тайманову. Теперь все участники имеют поражение. Бывшев, как говорится, «чистенько» переиграл, а затем обыграл Смыслова, дела которого значительно ухудшились.

11 ДЕКАБРЯ

Тайманов продолжает наступление: он добился очередной победы, на этот раз над Симагиным. Удивляет, как легко и уверенно играет молодой гроссмейстер. Почти в каждой партии противник Тайманова оказывается в сильном цейтноте, а у чемпиона Ленинграда всегда остается около часа накопленного времени.

Керес и Смыслов в этом туре победили, но их турнирное положение все же критическое.

12 ДЕКАБРЯ

Легко, почти «шутя», Тайманов победил такого опасного противника, как Бронштейн. На всех остальных досках еще разгоралась борьба, а Тайманов уже разгуливал по эстраде как лидер чемпионата.

Бывшев словно специализировался на нашей олимпийской команде. После Кереса и Смыслова сегодня он нанес поражение Болеславскому. Геллер удержал свою хорошую позицию в турнире победой над Каном. Пострадал Корчной от Сутина.

Закончилась неделя, — бесспорно, неделя Тайманова, который набрал 4,5 очка из 5 возможных, а в общем 8 из 10 очков. Восемьдесят процентов для такого чемпионата — великолепнейший результат. Куда грустнее прошла неделя для бывшего лидера Болеславского, который набрал только 2 очка.

Первая половина позади. В авангарде молодежь во главе с Таймановым. Чемпион мира Ботвинник бодро сражается. Не видно на первом плане Кереса, Смыслова, Бронштейна.

Впрочем, впереди еще 9 туров, достаточно для того, чтобы разыграться, отыграться, догнать и обогнать.

Международный гроссмейстер
Сало ФЛОР

М. Тайманов — Дружеский шарж Н. Лисогорского.

В современном Багдаде

Е. ЗАБЕЛИНА

История и сказки

Воспоминания детских лет, навеянные сказками «Тысячи и одной ночи», оживают в памяти при посещении Багдада. По улицам этого города более одиннадцати веков тому назад бродил герой этих сказок — халиф Гарун аль-Рашид, переодевшись в одежду простого человека, чтобы ближе узнать жизнь и нужды своих подданных. Здесь, в Багдаде, веселый Синдбад-мореход праздновал в кругу друзей и родных благополучное возвращение на родину после бесконечных скитаний. Когда на куполах багдадских мечетей видишь аиста, невольно думаешь с улыбкой: не сказочный ли это халиф, превращенный злым соперником в величавую птицу?..

В те давно минувшие времена Багдад был городом стройных минаретов, кипучей торговой жизни, несметных богатств. Основанный аббасидским халифом Аль-Мансуром в 762 году нашей эры, город был построен в виде большого, обнесенного двойной стеной круга, в центре которого стоял златовратый дворец с высоким зеленым куполом. Через реку Тигр, пересекавшую город, было перекинуто шесть мостов. На берегах высились дворцы халифов, визирей и прочей знати. На багдадском базаре встречались купцы половины мира. Шелка и ковры шли сюда из Персии и Самарканда, черные рабы и слоновая кость доставлялись из Восточной Африки, медь и ткани из Египта, серебро и бумага из Китая, пряности и сандаловое дерево из Индии, стекло и хрусталь из Сирии, шафран с Суматры, мускус из Тибета и даже лед с Ливанских гор.

В середине XIII века Багдад был разграблен и сожжен иноземными завоевателями и с тех пор томился под чужеземным господством. В 1392 году он был завоеван Тимуром, с XVI века до конца первой мировой войны находился под властью турок. А после поражения Турции в этой войне древний город сразу же попал «из огня да в полымя»: он оказался под владычеством англичан, получивших от Лиги Наций мандат на всю территорию современного Ирака, столицей которого является Багдад. Ирак формально считается независимым арабским королевством, но на деле в нем попрежнему хозяйничают английские империалисты, усиленно выкачивая из страны ее естественные богатства и прежде всего нефть.

«Сказочный город» сегодня

Глубокое разочарование ждет любителя арабских сказок при знакомстве с нынешним Багдадом. Нет в нем тех ярких красок, которые рисовало наше воображение, когда мы читали сказки «Тысячи и одной ночи». Дома, мечети, вообще весь город, за небольшими исключениями, имеют песочно-буроватый цвет, деревья и трава, летом покрытые пылью, мало оживляют общую картину.

В Багдаде, согласно переписи 1947 года, насчитывалось 552 тысячи жителей, фактически же их гораздо больше. На окраинах города все время вырастают новые, лагерного типа, поселения сельских жителей, бегущих в город от гнета своих помещиков. Помещики настолько закабаляют крестьян экономически, что земледелец предпочитает искать случайных и неверных заработков на стороне. Тяжела и беспросветна жизнь этих людей в глиняных хижинах или шалашах из пальмовых ветвей. Здесь и речи нет о простейших санитарных условиях, о самых элементарных предметах домашнего обихода.

Эти обездоленные бедняки, как, впрочем, и все трудовое население города, тяжело страдают от крайностей багдадского климата. Тридцатиградусная жара начинается здесь уже с апреля, а в июне доходит до 40—48° по Цельсию. Некоторое похолодание наступает только с половины октября, но и зимой днем на солнце тепло, а ночью температура падает иногда до нуля. Это настоящий бич для неимущего населения, не имеющего сплошь и рядом ни обуви, ни теплой одежды.

В Багдаде любят вспоминать о далеком блистательном прошлом города. Улицы, кино, гостиницы, рестораны часто называют здесь именами героев арабских сказок. В Багдаде есть большой и комфортабельный «Синдбад-отель», живут в нем исключительно иностранцы. Кино и рестораны носят имя Шахерезады. Главная улица названа в честь Гарун аль-Рашида.

Эта трехкилометровая улица, единственная хорошая магистраль в центре города, словно зеркало, отражает то безнадежно подчиненное положение, в котором находится «независимый» Ирак. В часы пик эта улица сплошь забита английскими и американскими машинами. И именно автотранспорт надменных колонизаторов определяет колорит этой магистрали, а не обрамляющие ее старинные строения с балконами на фасадах, с выступающими вперед вторыми этажами.

Хотя улица Рашида является главной и торговой улицей, подавляющее большинство домов на ней имеет крайне запущенный вид. Нередко, идя по тротуару, слышишь за собой окрик: «Балек, балек!» («Берегись!») — и в спину тебе упирается морда ишака или мула. Вы можете встретить согнувшегося под огромной тяжестью носильщика. Эта профессия здесь очень распространена: очевидно, такой способ переноски грузов обходится дешевле, чем применение автомашин и механизмов. У грузчиков на спине нечто вроде седла из войлока, на седло накладывается иногда целая гора ящиков или мешков. Страшно смотреть на этих людей, когда, переходя улицу, они лавируют среди автомобилей!

Проходящего европейца осаждают нищие. Особенно много просящих подаяния полуголых, босых детей.

Много полицейских, мало культуры

В Багдаде бросается в глаза большое число полицейских. Известно, что Ирак тратит значительную часть своего бюджета на содержание армии, полиции, тюрем. Часто можно наблюдать, как по улице Багдада ведут арестованных на цепи, прикрепленной к металлическим наручникам. Гражданские права и человеческое достоинство не очень-то ценятся в стране, правители которой по примеру своих империалистических хозяев очень любят распространяться насчет «свободы и демократии».

На народное образование и охрану здоровья населения в Багдаде тратится гораздо меньше средств, чем на цели полицейские и карательные. Недалеко от базара, у центральной почты, вы можете увидеть на тротуаре писцов, сидящих за маленькими столиками и занимающихся писанием писем для неграмотных багдадцев. Во всем Ираке приблизительно 90 процентов неграмотных. Хотя в Багдаде есть даже несколько специальных учебных заведений-колледжей, школ в городе очень мало. Вы не встретите и общественных библиотек или клубов, нет и театров. Зато много чайхан, мелких ресторанчиков и всяких казино, где целыми днями идет

На окраинах Багдада появляются новые и новые лагерного типа поселения сельских жителей, сбежавших в город от гнета помещиков.

игра в «джагар». В кинематографах экраны почти полностью заняты американскими гангстерскими или ковбойскими фильмами: «Поцелуй бандита», «Кольт 450» и т. п. Демонстрируются и египетские картины на арабском языке, но в большинстве своем они тоже сделаны по стандартам Голливуда.

Вы идете по боковым улочкам, выходящим на главную магистраль. Жилые дома сплошь не имеют канализации и водопровода, трудовой люд живет очень скученно, в духоте и грязи. Зато для местной буржуазии имеются утопающие в зелени районы. Виллы богачей стоят среди садов, в которых растут пальмы, эвкалипты, масса цветов, особенно роз.

Промышленности в Багдаде почти нет. Это еще один показатель того, как настойчиво поддерживают империалисты экономическую отсталость в колониях и полуколониях. Кое-где по Багдаду разбросаны мелкие кустарные предприятия, изготовляющие кирпич, цемент, мыло, занимающиеся первичной обработкой кожи. Много «заводов» искусственного льда и прохладительных напитков.

Общее число рабочих в Багдаде не превышает 25 тысяч. Живется им трудно. Квалифицированный рабочий получает примерно 15—18 динаров в месяц. Этих денег не хватает на пропитание семьи, не говоря уже о приобретении одежды. Даже по официальным правительственным данным, цены на продукты питания выросли по сравнению с 1939 годом в 6 раз, на овощи — даже в 7 раз, на текстильные товары — в 9 раз, а заработная плата рабочего в основном осталась на довоенном уровне. И при этом в Багдаде все растет и растет безработица: сокращается внутреннее производство, которое не в состоянии выдерживать иностранной, главным образом английской и американской, конкуренции.

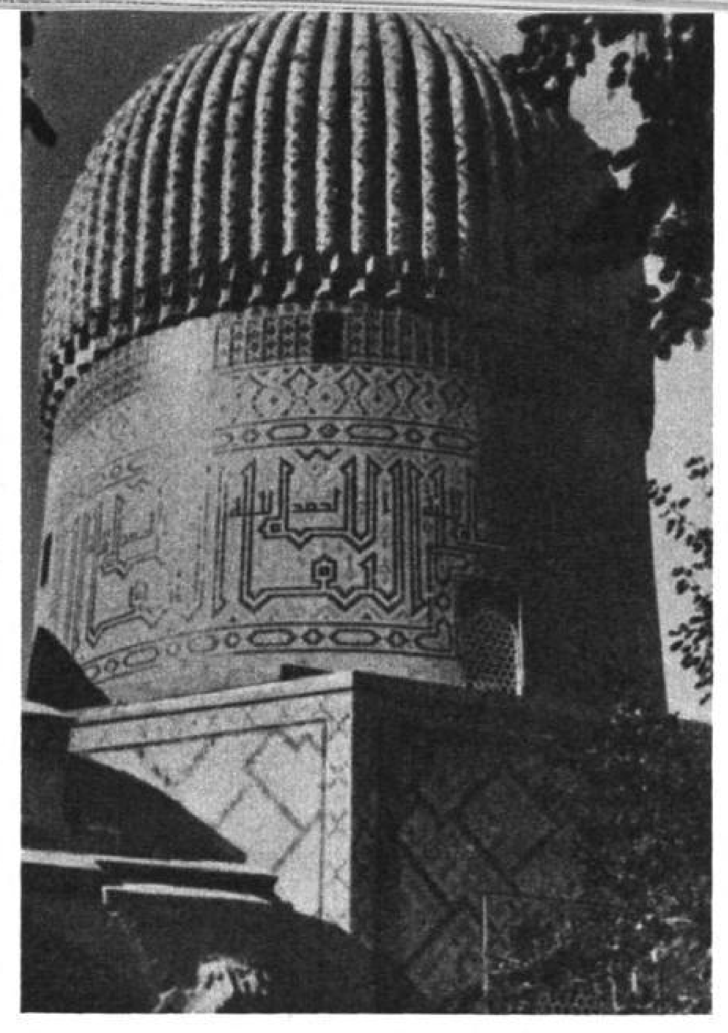
Багдадская газета «Аль-Муватан» («Патриот») писала: «Если имеющие работу еще кое-как борются с тяжелой жизнью, пока их держат ноги, то только бог ведает, как живут безработные и как они могут выдержать такую дороговизну!»

Иракский народ не раз поднимался на борьбу за политические права, за право на работу, за независимость страны.

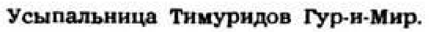
Это все нарастающее движение не могут остановить ни полицейский террор, ни аресты и преследования всех тех, кто высказывает возмущение хозяйничаньем империалистов в стране, кто поднимает голос против разнузданной пропаганды войны, ведущейся в Ираке по указке США. Рабочие, учащиеся, деятели науки и культуры широко откликаются на призывы местного комитета сторонников мира. Под обращением о заключении Пакта Мира собраны десятки тысяч подписей.

Английские и американские империалисты, опираясь на свою агентуру, пытаются подавить народное движение и утвердить в Ираке фашистскую диктатуру. Прогрессивные партии и организации объявляются вне закона, борцов за мир бросают в тюрьмы.

Но в эти дни, несмотря на военное положение, на стрельбу полиции по демонстрантам, древний Багдад до поздней ночи гудел от антиимпериалистических демонстраций.

Усыпальница Тимуридов Гур-и-Мир.

Одна из многих клиник Самаркандского медицинского института.

ЮНОСТЬ ДРЕВ

Т. З. ЗАХИДОВ,
президент Академии наук Узбекской ССР

Фото Г. Графкина и А. Кузьменко

Самарканд... Древний Мараканды эпохи походов Александра Македонского в Азии, разрушенный греками за поднятое против их господства восстание; Самарканд — цветущий город, обезлюдевший после нашествия полчищ Чингисхана; Самарканд — столица огромной империи Тимура Гурагана, город, где жил и работал великий астроном Улугбек. Этот город-памятник встает перед нами, овеянный легендами.

На первый взгляд таким же древним он кажется и сейчас. Уже издали, за несколько километров, вырисовываются на фоне неба величественные развалины Биби-Ханым, сияющий голубизной рубчатый купол гробницы Тимуридов Гур-и-Мир и минареты на площади Регистан. Но едва вступишь на улицы — ты сразу видишь облик нового Самарканда — второго по значению центра промышленности, науки и культуры Узбекистана.

Не только широкие, шумные, залитые асфальтом улицы-аллеи, новые, светлые дома, театры, множество автомашин, нарядных автобусов отличают Самарканд от многих других городов республики. Все это есть и там. Но, пожалуй, ни в одном городе Узбекистана не увидишь столько юных лиц.

Лучшие дома отданы школам, детским учреждениям, институтам. Их много здесь. Недаром в Средней Азии Самарканд называют городом вузов. В этом областном центре сосредоточено шесть высших учебных заведений: университет, институты сельскохозяйственный, медицинский, два педагогических, советской торговли,— двенадцать техникумов, несколько научно-исследовательских учреждений. Именно поэтому на улицах вы так часто увидите книжные магазины и киоски: молодость и книга у нас неразлучны.

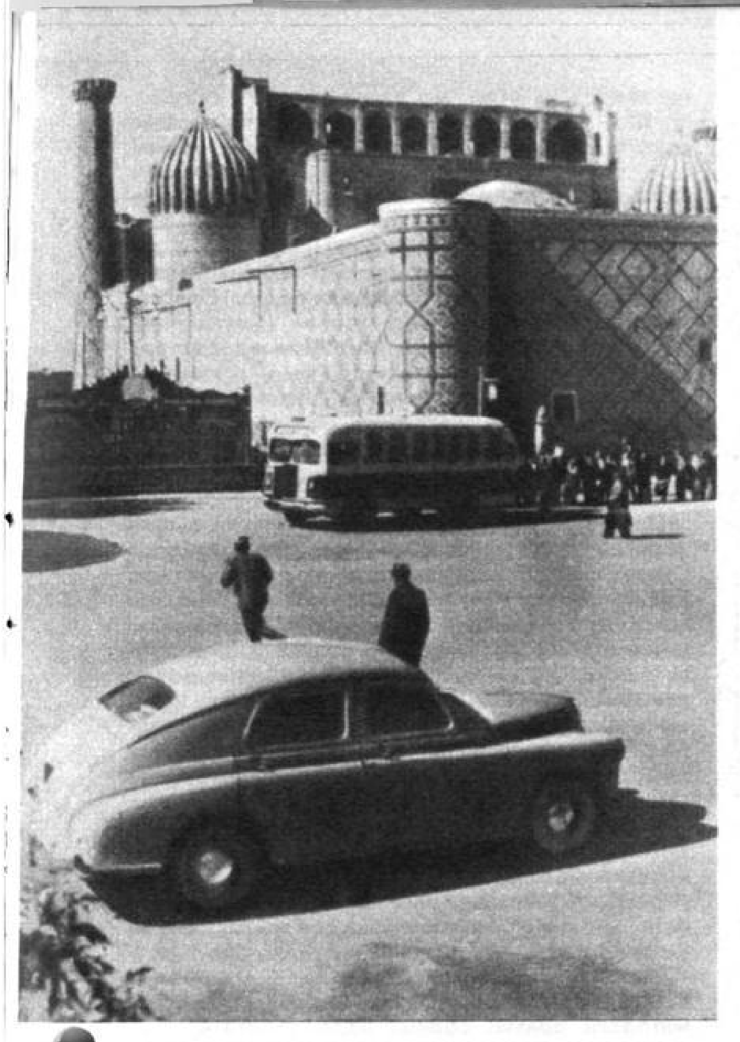
Крупнейший из вузов Самарканда — Узбекский государственный университет имени Алишера Навои—в этом году отмечает 25-летие. Больше 2 тысяч специалистов — выпускников университета — работает сейчас в научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях Узбекистана и других республик Средней Азии.

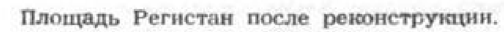
В прекрасно оборудованных аудиториях и кабинетах этого старейшего узбекского высшего учебного заведения, на его факультетах занимается более полутора тысяч студентов — будущих историков, филологов, биологов, почвоведов. Многие из них, еще не закончив университета, начинают заниматься научными исследованиями. Научное студенческое общество насчитывает около 700 человек, некоторые темы, с которыми студенты впервые столкнулись здесь, становятся затем темами их кандидатских диссертаций.

В продолжение многих сотен лет Самарканд являлся городом медресе (духовных школ), одним из религиозных центров Востока. Стены изумительных по совершенству отделки памятников древнего зодчества испещрены надписями, призывающими народ к покорности: «Ищите помощи себе в терпении и молитве». Обитателей тесных келий — худжр — многочисленных медресе не интересовали нужды народа. Тех, кто занимался подлинной наукой, подвергали гонениям, остракизму. Трагическая судьба Улугбека, которого даже его высокое положение правителя не спасло от рук убийц, служит тому ярким примером.

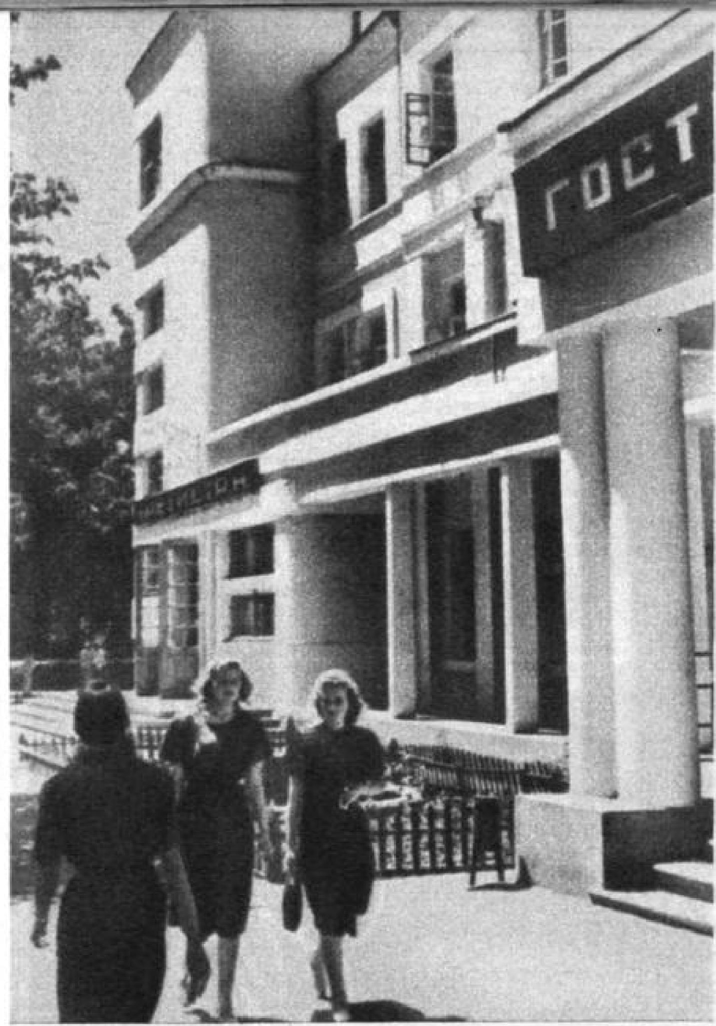
Ученые советского Самарканда — это люди, вся научная деятельность которых служит интересам народа. И народ любовно заботится о них.

В одном из красивейших новых домов на улице Карла Маркса помещается Всесоюзный научно-исследовательский институт каракулеводства. Вся его деятельность тесно связана с потребностями животноводческих колхозов и совхозов среднеазиатских республик. Здесь решают проблемы повышения продуктивности пустынных пастбищ, создания на солончаках и глинистых, лишенных растительности мертвых песках травяного покрова, изыскания новых пастбищ в Кзыл-Кумах, Кара-Кумах и Муюн-Кумах. Только за последние два года ученые обследовали больше 5 миллионов гектаров таких пастбищ. Исследования сотрудников института показали возможность увеличить в три раза поголовье скота в ближайших к

Площадь Регистан после реконструкции.

Новое здание гостиницы «Регистан».

В Узбекском государственном университете. Члены студенческого научного общества биологического факультета Маматкул Икрамов и Софья Маджидова.

НЕГО ГОРОДА

зоне Главного Туркменского канала совхозах.

И Научно-исследовательский институт виноградарства, и селекционные станции плодоводства и шелководства, и многие другие научные учреждения тесно связаны прежде всего с садоводами, чабанами, опытниками-колхозниками.

Самарканд — не только культурный, но и крупный промышленный центр республики. Далеко за его пределами на прилавках магазинов Москвы, Ленинграда можно увидеть банки с яркими этикетками крупнейшего в стране фрукто-консервного комбината. С самаркандского завода «Красный двигатель» идут в МТС и автобазы детали тракторов и автомашин. Киноаппаратуру и электротехническое оборудование завода «Кинап» получают города Средней Азии и великие стройки коммунизма. Недавно коллектив этого предприятия завершил выполнение заказа Дворца культуры и науки в Варшаве.

Но особенной любовью самаркандцев пользуется шелкомотальная фабрика «Худжум». Ей уже 25 лет. Самое название ее, означающее в переводе на русский язык «наступление», говорит о той роли, которую фабрика играла в первые годы своего существования,— это было действительно наступление на старый быт, традиции. Созданные в самом центре «старого города» цехи фабрики были для сотен женщин, узбечек и таджичек, первой школой новой, свободной жизни. Здесь, на небольшом тогда фабричном дворе, они впервые сбрасывали паранджу. В школе ликбеза они учились грамоте и, читая: «женотдел», «коммунист», «советская власть»,— впервые постигали глубокий смысл этих слов. Поговорите на фабрике со старыми работницами, такими, как Ойкарам Умарова. Она расскажет, как это было, как она, темная, неграмотная женщина, поступив на фабрику, научилась не только читать и писать, но и строить новую жизнь. Сейчас коммунистка Умарова — сменный мастер огромного мотального цеха.

Или Бахор Аннакулиева. Совсем недавно она была рядовой работницей, а теперь — инструктор, депутат Верховного Совета республики!

При фабрике своя поликлиника с прекрасно оборудованными врачебными кабинетами, клуб, ясли. А ведь, как говорил Л. П. Берия на XIX съезде партии:

«До установления Советской власти в Узбекистане один врач приходился на 31 тысячу человек населения... В настоящее время в Узбекской ССР один врач приходится на 895 человек населения. Узбекская ССР обеспечена врачами несравненно лучше, чем, например, Египет, где один врач приходится на 4.350 человек населения, и лучше, чем такие страны Западной Европы, как Франция, где один врач приходится на 1 тысячу человек, или Голландия, где один врач приходится на 1.160 человек населения».

Недавно многие текстильщицы справили новоселье: к 35-й годовщине Октября строители сдали в эксплуатацию новый жилой дом. Детский сад скоро переедет из старого здания в новое: стройка уже заканчивается.

Работницы изучают материалы XIX съезда партии. Читают они директивы съезда по пятой пятилетке — и встает перед ними обновленная родная их фабрика: ее мощность увеличится вдвое, вырастут здесь новые цехи, жилые дома...

...Необычайно красив Самарканд и весной, в пору цветения садов, и летом, но особенно хорош он в дни сухой, прозрачной осени, когда сквозь поредевшее золото и багрянец листвы яснее выступают контуры новых домов и бесчисленных памятников древней культуры народа.

Блестящий асфальт площади Регистан только сильнее подчеркивает яркие сочетания цветов на изразцах стен красивых зданий города. На фоне бледного неба особенно четко вырисовывается бирюзовый с синим шатер обновленного мавзолея Гур-и-Мир. Как и новостройки Самарканда, многие памятники узбекского зодчества скрыты решетчатым переплетом лесов. На их восстановление республика ежегодно ассигнует огромные средства. И рядом с новыми зданиями встают во всей своей неподражаемой красоте обновленные, помолодевшие древние сооружения. Советские народные мастера возродили некогда забытое искусство керамики.

Каждый день у памятников древней культуры узбекского народа можно встретить группы школьников, студентов. Люди, строящие новую жизнь, по праву гордятся искусством своих предков. Их творения пережили века, и наследником оказался сам народ.

На фабрике «Худжум». Стахановка Мубара Абдурахманова и мастер Ойкарам Умарова.

Первый сбор лимонов в колхозе имени «23 февраля», Самаркандского района. Это плоды и ее трудов, колхозницы-комсомолки Фарухат Ахмедовой.

Пламенеющая дуга

Георгий БЛОК

Фото С. Осипова

Сварочный аппарат в неловких руках Ивана Торкунова частенько вздрагивал, клевал носом, и электрод прилипал к металлической болванке. И когда он приподнимал защитный козырек, отключал ток, чтобы аккуратно оторвать электрод от остывающего металла, лицо обдавало теплом.

На третий или четвертый день (сейчас, много лет спустя, Торкунов точно не припомнит), как он начал обучаться искусству электросварки, безобразные пятна и рытвины красной волчанки на его лице слегка потускнели.

Нередко ее называют «бабочкой», потому что она по форме действительно напоминает распластанную бабочку: «тело» занимает нос, а «крылья» захватывают щеки, словно врастают в них.

Проклятая «бабочка» уже десять лет сидела на лице юноши, несмотря на самые различные методы лечения — мази, примочки, уколы, порошки.

Прошло полтора месяца, прежде чем сварщик-ученик совладал с новой профессией, натренировался равномерно вести дугу. За это время багровые пятна заметно побледнели, впервые за десять лет. Вечерами он с сомнением осматривал свое лицо — неужели ему померещилось? — внимательно разглядывал каждый сантиметр кожи, изуродованной болезнью. Нет, не померещилось!

А через несколько дней мастер поручил ему настоящую работу, и сразу наступило ухудшение: померкшие было пятна покраснели, стали проступать на старых местах, будто обрели утраченную силу.

Что делать? Почти не задумываясь, молодой сварщик отыскал брошенную в углу болванку: надо снова попытать счастья. Хуже, в этом он был твердо уверен, ему не станет. После трудового дня он регулярно включал ток в аппарат, затем на некотором расстоянии держал свое лицо перед роняющей искры пламенеющей дугой. И на этот раз скоро появились признаки улучшения.

Много позже, в хирургической клинике медицинского института в Молотове, куда электросварщика направили на операцию, на вопрос доктора Ивана Павловича Федорова, какие болезни перенес, он назвал красную волчанку. И прибавил:

— Была.

— Была? — спросил врач. — Где?

— На лице... — И после короткой паузы: — Улетела поганая «бабочка», даже следов не оставила. Глядите, следов-то не найти. Врачам говорил — посмеиваются: «Твое счастье». Десять лет прошло — не вернулась. Забыл о ней и думать.

Сначала простым глазом, а затем через лупу Федоров исследовал лицо Торкунова: ни рубца, ни маленького пятнышка атрофированной ткани. Кожа совершенно чистая — полное клиническое выздоровление. Это само по себе удивительно.

В учебниках ясно сказано, что наблюдались редкие случаи излечения, когда красная волчанка по неведомым причинам шла на убыль, самоуничтожалась, но на коже оставались неизгладимые рубцы. А у сварщика гладкая, неповрежденная кожа, ткань целиком восстановилась.

— Странно, очень странно, — покачал головой врач. — Расскажите, пожалуйста, как это случилось.

Он выслушал подробную волнующую повесть о постигшем юношу тяжелом, мучительном недуге, о тщетных попытках отделаться от него, о долгих годах страданий человека, от которого иногда отворачивались на улице, о короткой поре обучения и внезапном, почти чудесном выздоровлении благодаря «лучам жизни», исходившим от обыкновенного сварочного аппарата и болванки-целительницы.

Федоров с трудом верил тому, что услыхал. Надо проверить. Не откладывая, он отправился на медицинский пункт завода, где работал Торкунов. Старик-фельдшер и врач хорошо знали сварщика, помнили, как он впервые пришел на прием и они, увидев его

И. П. Федоров включает электролучевой аппарат.

лицо, советовали выбрать другую профессию: свет может вредно отразиться на волчанке, свет противопоказан. Но парень заупрямился, настоял на своем:

— Хуже того, что есть, не будет. Красоту не испорчу...

В кожном диспансере Федоров просмотрел историю его болезни, где был обозначен диагноз: красная волчанка, хроническая, — и перечислялись методы и медикаменты, которыми лечили юношу. Все они не дали результатов. Часто мелькала приписка: улучшений нет.

Значит, сварщик ничего не спутал, не приукрасил, не выдумал. Неужели это простое совпадение обстоятельств, цепь случайностей? Как согласовать противоречие между тем, что говорится в учебниках по кожным болезням, и фактом из житейской практики? Дерматологи всего мира — специалисты по кожным болезням — утверждают, что светолечение красной волчанки, естественное или искусственное, категорически запрещено: оно вызывает обострение процесса, ничего хорошего не сулит больному.

А сварщик настойчиво, ежедневно облучал свое лицо, и волчанка через шесть месяцев исчезла бесследно. Как примирить непримиримое? Может ли единичный факт поколебать мнение авторитетов, подкрепленное многолетними наблюдениями? Конечно, нет.

Однако факт сам по себе крайне любопытен. Допустим, рассуждал Федоров, что дерматологи правы: солнца надо избегать, свет только вреден. Какие средства они предлагают для эффективного лечения? Реально не многое.

Опыт передовой науки свидетельствует, что в своем неудержимом движении вперед она сметает препятствия, часто отвергает то, что вчера считалось бесспорным, нерушимым. Этому учит история естествознания, учит живая советская действительность.

Врача-коммуниста властно влекла к себе загадка противопоказанного лечения, он решил взяться за ее разгадку. Прежде всего где источник лечебных лучей: цела ли болванка? Она должна ответить на его недоуменные вопросы.

Хотя молодой сварщик давно бросил болванку на произвол судьбы, среди многих других, ей подобных, он разыскал свою целительницу (помогла старая метка) и отнес в институт, Федорову. Внешне она ничем не выделялась: обыкновенная болванка, самая что ни на есть заурядная.

В лаборатории произвели химический анализ слитка, качественный и количественный, который показал, из каких веществ он состоит. Сплав представлял собой комбинацию нескольких элементов.

Началась трудная пора экспериментов. Настойчиво испытывались лучи, источаемые сплавом при горении электрической дуги.

Под их действием засвечивалась фотографическая пленка, завернутая в плотную черную бумагу и целлофан; отклонялась вправо магнитная стрелка компаса, постоянно устремленная на север.

На расстоянии полутора метров были подвергнуты облучению отлично развитые колонии болезнетворных бактерий. Тридцати секунд оказалось достаточно, чтобы они прекратили свой рост, потеряли способность размножаться, а большинство из них погибло. Повторные опыты подтвердили высокие бактерицидные свойства лучей сплава.

Но, быть может, лучи вообще обладают губительной силой для живой ткани? Облучались горшки с комнатными цветами. Дело происходило зимой. Несколько коротких сеансов — и экспериментатор отметил любопытное явление: на растениях появились молодые весенние побеги и листья. Контрольные экземпляры, те, что находились в обычных условиях, до весны ничуть не изменились, не дали роста.

Затем настала очередь животных. Их долгое время облучали. Лучи выдержали и этот экзамен. Здоровье животных ни на иоту не ухудшилось, не было установлено ни одного случая болезни. Вскрытие показало, что внутренние органы, ткани, кровь в полном порядке, нет никаких отклонений от нормы.

Один опыт следовал за другим... Сравнивались свойства ртутно-кварцевой лампы и сплава, рентгена и сплава. Они, эти свойства, оказались совершенно различными. Так, например, лучи, рожденные сплавом, не обжигали кожу, не покрывали ее загаром, как ультрафиолетовые, не повреждали клеток и тканей, как рентгеновы.

Федоров не только занимался исследованием лучей, познавал их своеобразие, отличие от других. Он задумался над тем, как их применить в медицинской практике.

Проведенные опыты свидетельствовали, что причинить ущерб организму человека они не могут. О том же говорила жизнь. Ведь электросварщики цветных металлов часами держат дугу, иначе говоря, подолгу находятся в поле облучения той или иной комбинации сплава и, как известно, никакими, только им присущими болезнями не страдают. Значит, лучи, по крайней мере, безвредны. А случай с Торкуновым подсказывал: и полезны.

Нужно поставить опыт на человеке, решил врач, и три недели ежедневно облучал самого себя. После каждого сеанса измеряли давление крови и брали ее на исследование, просматривали рентгеном грудную клетку — легкие, сердце,— делали всевозможные анализы.

Эксперимент удался. Никаких вредных изменений в организме не было зарегистрировано: все в норме. Наоборот, отмечалось удивительно хорошее самочувствие «подопытного» и отличное настроение.

— Кожу слегка покалывало, словно после нарзанной ванны, — вспоминает Федоров. — Появилось и не покидало чувство бодрости, свежести, поднялась работоспособность, совсем исчезла усталость. Стало ясно, почему Торкунов называл их «лучами жизни».

Однако как быть? Не облучать же людей при помощи сварочного аппарата! И врач стал конструктором...

Новая Басманная улица в Москве. Кабинет электролучевой терапии в поликлинике Министерства путей сообщения. Идет очередной вечерний прием больных.

Медицинская сестра поворачивает рукоятку рубильника. Раздается характерное шипение, треск. Вспыхивает мощная сияющая электрическая дуга, спрятанная в глубине раструба, похожего на прожектор. Словно из миниатюрного кратера, извергаются легкий дым, пламя, каскад искр. В комнате повеяло свежим ароматом озона. Дым уносится вентилятором, искры сыплются вниз и гаснут, не достигнув металлического коврика на полу.

В полутора метрах от раструба сидит больная, сосредоточенная, словно перед объективом фотокамеры. Бегут секунды, и автомат, точно отмерив дозу времени, прерывает ток. Огонь гаснет. Посетительница подходит к столу.

— Еще несколько сеансов, — говорит Федоров, — и, надеюсь, вы будете здоровы!

Стук. В дверях появляется мужчина лет тридцати, невысокий, темноволосый. На лице никаких изъянов.

— Пришел на проверку, — поясняет Федоров.

Вот вкратце история болезни доцента К—ча. Года полтора назад он обнаружил на носу пятно. Врач поставил диагноз: красная волчанка. К—ч испробовал различные методы лечения, но истек год, а болезнь не отставала. Месяца полтора облучения сплавом — и болезнь как рукой сняло.

— Зарядку хочу получить на прощанье, — говорит К—ч. — Теперь не скоро к вам попаду.

Снова отрывисто жужжит дуга, и стены озаряются яркими снопами света.

Столь же разителен случай с бухгалтером К—вой, которая на протяжении семнадцати лет не могла избавиться от красной волчанки, захватившей, кроме лица, кожу головы. Без преувеличения можно сказать, что не было средств и методов лечения, ею не испробованных.

Не сразу поддалась болезнь и лучам сплава. Упорство врача и больной — многие месяцы кряду она аккуратно приходила в кабинет на сеансы,— а главное, целебное влияние дуги восторжествовали. Результат — полное клиническое выздоровление. К—ва вернулась на работу. Два года не было рецидива, повторной вспышки. Даже весной, когда процесс обычно обостряется.

Три года не возобновлялась волчанка и у домохозяйки З—ной, которая до облучения десять лет безуспешно боролась с недугом.

Таких примеров можно привести свыше двадцати. Характерная деталь: когда бывших больных пригласили на конференцию врачей в поликлинике, дерматологи при внимательном осмотре не всегда находили задетые ранее красной волчанкой участки лица.

Лучевая терапия не всегда уничтожает этот недуг. Чаще всего наблюдается значительное стойкое улучшение. Дело в том, и с этим согласны все медики, что красная волчанка возникает вследствие разных, еще не выясненных причин. Различные ее формы, видимо, вызываются различными факторами, и не всякая из них поддается лечению.

Каков в самых общих чертах, по мнению И. П. Федорова, механизм лечебного воздействия нового метода?

Пламенеющая дуга раскаляется до очень высокой температуры. Источаемый ею сложный букет электромагнитных волн по своему составу значительно отличается от солнечного спектра.

Мощный поток ионов, частиц, несущих положительный заряд, направляется раструбом в одну сторону. Лечебная дистанция, то есть зона распространения ионного потока, невелика.

По данным ряда исследователей, в клетке, пораженной болезнью, нарушается ионное равновесие, свойственное полноценной, здоровой клетке. Это равновесие сдвигается в ней в сторону преобладания отрицательных зарядов. Облучение полностью или частично восполняет этот недочет. Поток ионов не задерживается внешними покровами: он проникает внутрь тканей, обогащает, как бы «дозаряжает» клетки. Действуя на нервную систему и весь организм в целом, он приводит в конечном счете к восстановлению ткани.

На помощь организму приходят не только мириады ионов. Сплав, как уже говорилось, представляет собой комбинацию различных химических элементов. Некоторые из них не являются новостью в медицинской практике и издавна прописываются врачами в качестве лечебных средств при разных заболеваниях, иногда в сочетании с другими препаратами.

Горящая дуга позволила вводить эти вещества по-новому: оригинально, высокоактивной, наэлектризованной, тончайшей взвесью невидимых глазом частиц одновременно с потоком ионов. Неисчислимые, раздробленные частицы в мельчайших дозах проникают сквозь поры в тело и разносятся током крови. Доставленные энергией луча лекарственные вещества и положительный заряд ионов воздействуют не только на самый процесс болезни, но и на нервную систему, повышая силы организма в борьбе с заболеванием.

Следует отметить, что отнюдь не все свойства лучей сплава разгаданы до конца. Это — дело будущего, дальнейших тщательных детальных исследований. Вместе с тем терапевтический эффект пламенеющей дуги неоспорим.

Неожиданно обнаружилось, что лучи могут стать важным оружием против такого тяжелого заболевания, как спонтанная, самопроизвольная, гангрена, когда в ногах исчезает пульс и иной раз приходится прибегать к ампутации конечности.

Благодаря лучевой терапии в ряде случаев удалось предотвратить вмешательство хирурга. Приведем примеры. В феврале прошлого года в железнодорожную больницу на станции Яуза, под Москвой, где работает И. П. Федоров, доставили больного Г—ова. Диагноз — спонтанная гангрена, третья стадия. Консилиум врачей предложил немедленную ампутацию.

По просьбе Г—ова ему назначили лучевую терапию. Первые пять дней его приносили в кабинет на носилках, потом он пришел на костылях, а на десятый день бросил их и взял палку. Боли прекратились, опухоль спала. Вскоре Г—ов оставил и палку. Тридцать облучений вернули его к нормальной жизни. Контрольный вызов через год, еще одна, профилактическая порция лучей. Г—ов и сегодня хорошо себя чувствует, работает.

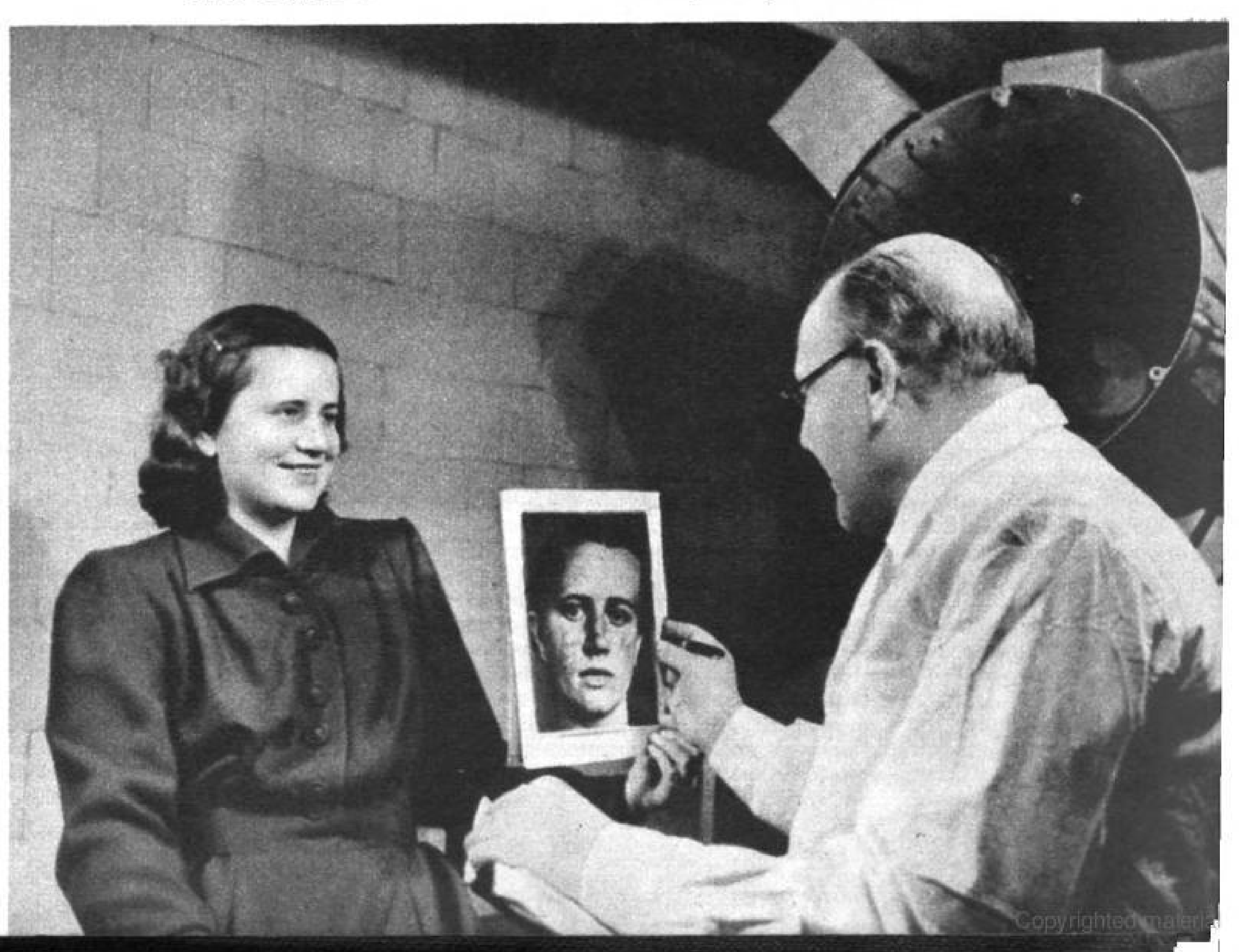
В марте 1950 года шоферу В—ну, которому грозила потеря ноги, стали в поликлинике министерства облучать больную ступню. Двадцать семь сеансов — и больной вернулся к привычной деятельности. На конференции в ноябре этого года врачи не могли обнаружить, на каком пальце тогда появилась гангрена. Все это говорит о том, что даже в тяжелых случаях болезни есть иногда шансы избежать ампутации.

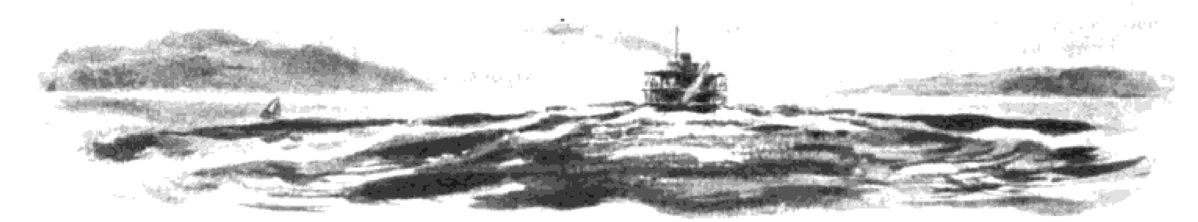
Новый метод лечения спонтанной гангрены изучался в хирургической клинике Первого медицинского института в Москве. По мнению директора клиники, профессора Н. Н. Еланского, эти испытания показали, что облучение оказывает положительное действие в начальных стадиях заболевания.

Еще лучшие показатели достигнуты в больнице на станции Яуза. В этом году из шестидесяти больных гангреной, которые подверглись лучевой терапии, ни одному не сделали ампутации.

Пламенеющая дуга должна занять свое место среди других средств терапии. Множество людей, вернувшихся к жизни, к труду, — лучшее доказательство того, что она может принести пользу нашему здравоохранению. Хотелось бы, чтобы Министерство здравоохранения проявило подлинный интерес к этому новаторскому начинанию.

— Да, я была такой! — говорит З—на, посетившая И. П. Федорова.

ОСЕННИЙ РАЗЛИВ

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Пароход делал последний свой рейс и дальше должен был уйти в затон на зимовку. Берега были в тумане, и только чуть повыше, на угадываемой черте горизонта, где туман становился голубым и розовым, вызревала холодная утренняя заря. Было уже по-осеннему неприютно, палуба лоснилась от ночной сырости, и с резкими криками летали чайки.

Второй помощник капитана комсомолец Чирков, сдав вахту, пошел будить сходившего в Умети пассажира. Пассажир этот, скульптор Перевезенцев, был единственным в отделении I класса, остальные каюты пустовали. Пароход двигался малым ходом в тумане, раскачивая плоской волной затопленный осенним разливом тальник. Чирков осторожно постучал в дверь каюты, но дверь сейчас же открылась: скульптор был уже одет.

— Я думал, вы еще спите. Подходим к Умети, — сказал Чирков, с уважением присматриваясь к этому необычному по внешности человеку: кудлатые волосы выбивались из-под круглой суконной шапочки, в коротких руках чувствовалась сила ваятеля, да и весь он — коренастый, в верблюжьего цвета курточке, с крепким румянцем на упрямом курносом лице — походил на камень крепкой породы. Чирков стоял в дверях приятно согретой за ночь каюты и зябко прятал руки в карманы своего черного пальто. Его молодое лицо было синевато после ночной вахты.

— Я вас не решался спросить, — сказал он стеснительно, — вы случайно не из Умети родом?

— Нет, — улыбнулся скульптор, — совсем не из Умети. Я сибиряк, с Енисея. Вас, наверное, интересует, что мне в такую позднюю пору в Умети понадобилось?

— Да ведь уже навигация кончается. Будет только обратный наш рейс через три дня — и все.

— Постараюсь успеть, — сказал скульптор.

Он похлопал себя по карманам — кисет, спички, трубочка были на месте — и поднялся вслед за Чирковым на палубу. Туман уже поредел; пароход осторожно шел вблизи левого низкого берега; на затопленных лугах кое-где темнели стожки сена, которые не успели свезти. И весь этот водный простор и небо, слитое с водой на горизонте, делали реку похожей на море.

— Вот мы вчера с вами говорили о Волге, — сказал скульптор, оглядывая осенний разлив. — Поразительна судьба наших рек. Пройдет еще лет десять — пятнадцать, и мой родной Енисей, может быть, понесет часть своих вод совсем в другом направлении, оживит среднеазиатские пустыни, поднимет уровень Каспийского моря, и Ангара станет крутить валы турбин, и в Сибири и в среднеазиатских пустынях будет совсем другая, замечательная жизнь. Вам, товарищ Чирков, только плавать и плавать.

— Да, поплавать я надеюсь, — ответил тот скромно.

Они сели в затишье, за изгибом палубы, на влажную от тумана скамейку.

— А дело у меня в Умети вот какое, — сказал скульптор. — Я слышал, что возле Умети лежит в реке много черного дуба... когда-то, наверное, здесь были дубравы. Мне в Министерстве речного флота указал это место бывший волжский капитан Нереда... сейчас он заведует одним из отделов. Вы об этом ничего не слыхали?

— По совести — нет, — признался Чирков. — Служба наша такая, что не до красот... речным пароходам мореходные качества придают. Приходится нам, речникам, изучать условия плавания в море... вроде капитанов дальнего плавания становимся. — Он помолчал, лицо его стало мечтательным. — В самом деле, провести, например, по внутренним водным путям пароход из Белого моря в Черное — разве это не дальнее плавание?!

Скульптор достал из кармана трубочку, вмял в нее потемневшим большим пальцем табак и закурил.

— Видите ли, — сказал он погодя, — есть скульпторы, для которых любимый материал — это мрамор... я работаю по дереву. Мой отец был рыбаком, смолил лодки на Енисее, и для меня с детства нет лучшего запаха, чем запах дерева. И вот ищу я сейчас для одной задуманной мной работы такую породу дерева, которая десятилетия простоит, — это черный дуб. Работать по нему до чрезвычайности трудно, породой этой почти никогда не пользуются скульпторы. А я хочу именно из этой породы, из такого векового кряжа создать одну скульптуру. — Он на минуту задумался, щуря глаз от дымка из трубочки. — Мое родное село, ныне рыболовецкий колхоз, находится за Полярным кругом, неподалеку от старой Курейки, — название это, конечно, вы знаете. Жил когда-то в этой Курейке в ссылке человек... был он в числе многих, сосланных в царской России, и жители села, простые люди, конечно, не могли и думать, что человек этот изменит жизнь на земле и все в ней станет по-иному, по-новому. Может быть, приезжал он и в мое родное село, с моим покойным отцом беседовал.

Чирков искоса поглядел на волевое, с раздувшимися ноздрями лицо скульптора.

— Два года назад побывал я у себя на родине, — продолжал тот. — Поднялся я на берег Енисея и долго смотрел на реку... Наверное, так же смотрел не раз на нее и он в годы своей ссылки. Берега были пустынны в ту пору, и редки были на них села, и люди жили в нищете и темноте, и отцы умирали, не надеясь на лучшее будущее своих детей. А он стоял на берегу реки, смотрел вдаль и знал, твердо знал, что придет время — и все навеки изменится, и люди станут жить счастливее, и жизнь их будет совсем непохожа на прежнюю, и даже реки заставят они служить себе... И вот именно он, стоявший некогда на пустынном берегу Енисея, создает ныне смелые, прекрасные планы, по его воле прорывают каналы и соединяют моря, и реки меняют свое вековое течение. Конечно, можно было бы отлить его изображение из нержавеющей стали, можно было бы высечь из гранита. Я хочу вырезать из черного дуба... это в какой-то степени родоначальник дубрав, которые с таким широким размахом насаждаются у нас ныне.

Чирков молчал, как бы смущенный посвящением в эти заветные замыслы.

— Что ж, — ответил он только, — может быть, придется мне вести когда-нибудь пароход по Енисею... из Енисейска в Гурьев, например. Увижу я вашу статую на берегу — и вспомню нашу беседу и дам приветственный гудок.

Пароход обогнул излучину реки, машина внезапно застопорила, и в наступившей тишине стало слышно тарахтение мотора.

— Бакенщик Волков плывет, — сказал Чирков, глядя в сторону берега. — Кое-что из электрооборудования ему привезли. Раньше ведь бакенщик только с керосиновыми лампами имел дело... с темнотой садился в лодку и плыл зажигать лампы в бакенах. А сейчас у него электробакены... целые маленькие гидроэлектростанции, в каждом бакене турбинка с динамомашиной.

Он поднялся и выждал, пока моторка подошла к пароходу.

— Ну, что у тебя приключилось, товарищ Волков? — спросил он, перегнувшись через поручни верхней палубы.

— Да барахлит один электробакен, — ответил снизу севший от сырости голос, — наверное, щетки в динамомашине сработались. Вы газеток свежих не привезли?

— Есть для тебя тут целая почта, — усмехнулся Чирков. — И газеты, и учебники, какие просил, и «Техника молодежи» последний номер, и батарей целых два комплекта... на всю тебе зиму для радио.

Минуту спустя за кормой снова забурлил винт.

— Ненасытный этот Волков, — сказал Чирков, вернувшись к скульптору. — В прошлую зиму специальные курсы по уходу за электрооборудованием прошел, приличным электриком стал, а теперь решил обязательно на заочное отделение речного техникума поступить. Я ему каждый рейс учебники привожу. Между прочим, Волков лучше всех вам поможет: он все перекаты и плесы и где что лежит на дне наизусть знает.

Туман поднялся, и глянец разлива из вишнево-красного становился розовым. Вскоре стала видна плавучая пристань Умети, которую пароход на обратном пути должен был отвести в затон.

— А в пору, когда поведу я пароход по Енисею, мимо вашей статуи, река, наверное, от самого Полярного круга электробакенами обставлена будет, — сказал Чирков убежденно.

— Да, уж наверное, — ответил скульптор. — И берега тоже будут в огнях, и скажет человек, плывущий откуда-нибудь из Дудинки или Игарки: «Сколько огней на берегу! Вероятно, это старая Курейка».

Он спустился со своим чемоданчиком на нижнюю палубу, и пароход вскоре причалил к пристани.

— Смотрите, не задерживайтесь, — крикнул поднявшийся тем временем на мостик Чирков, — видите, как разлилось вокруг! Машины теперь до самого ледостава не пойдут.

Он стоял на мостике и долго смотрел скульптору вслед, как, преодолевая размытую дорожку, поднимался тот по откосу. А там, впереди, где выгорала на разливе утренняя заря, все было уже залито нежным желтым светом, и казалось, что это не скудные краски поздней осени, а простор весеннего половодья. И Чирков с тревожным чувством счастья, столь знакомым молодости, думал о том, сколько предстоит ему плавать и по новым морям, и по рекам, изменившим свое вековое течение, и по Енисею, может быть, по которому можно будет приплыть из далекой Курейки к побережью Черного моря с его глициниями и олеандрами.

Москва — столица Союза Советских Социалистических Республик, столица РСФСР. Высотный дом на Котельнической набережной.

Фото Л. Доренского

Киев — столица Украинской ССР. Главная улица — Крещатик.

Фото Н. Козловского

Минск — столица Белорусской ССР. Государственный театр оперы и балета. Фото Б. Вдовенко

Ташкент — столица Узбекской ССР. Театральная площадь. Фото М. Пенсона

Алма-Ата — столица Казахской ССР. Улица имени Кирова.

Фото М. Савина

Тбилиси — столица Грузинской ССР. Проспект Руставели.

Фото Я. Халипа

ку — столица Азербайджанской ССР. Новый сквер и площадь имени Сталина. Фото А. Брянова

льнюс — столица Литовской ССР. Площадь имени Ленина. Фото Е. Умнова

Кишинев — столица Молдавской ССР. Новое здание гостиницы «Молдова».

Фото Я. Рюмкина

Рига — столица Латвийской ССР. Комсомольская набережная.

Фото Б. Вдовенко

Фрунзе — столица Киргизской ССР. Центральный сквер.

Фото М. Савина

Сталинабад — столица Таджикской ССР. У Дома Правительства.

Фото В. Шаховского

Ереван — столица Армянской ССР. Площадь имени Ленина.

Фото А. Левитана

Ашхабад — столица Туркменской ССР. У входа во Дворец пионеров.

Фото Б. Кудоярова

Таллин — столица Эстонской ССР. Государственный театр оперы и балета «Эстония».

Фото И. Науменкова

Петрозаводск — столица Карело-Финской ССР. Гостиница «Северная».

Фото С. Фридлянда

Флаг

Константин МУРЗИДИ

Люблю смотреть я праздничной порою,
Особенно вечерней и ночной,
Как ярок флаг над куполом зеленым
За красною кремлевскою стеной.

Нет ярче флага в мире. Не боится
Он ни дождя, ни солнца — ничего.
И в сорок первом зимние метели
Не притушили пламени его.

Над куполом Верховного Совета
Под свежим ветром вечно алый флаг
Полощется, нет, зыблется, нет, льется
Живой волной. На многих куполах,

И по соседству и в далеких странах,
Я вижу отблеск пламени его.
Флаг утвержден на многие столетья
Во славу государства моего.

Кремлевские ели

Аскад МУХТАР

На север, на север,
К заветнейшей цели,
Стремительный ветер узбекский, помчись,
Овей своей лаской кремлевские ели,
Губами горячими к ним прикоснись!

Прислушайся к веткам, к их вечному шуму.
С кремлевским приветом вернись поскорей,
Его передай ты земле Кара-Кумов,
Дубкам молодым мирзачульских степей.

Как будто в грядущее, с этим приветом
Обратно помчишься от башен Кремля.
Коснешься пустыни — оденется цветом,
Раскинутся рощи, сады и поля.

Кремлевские ели!
России природа
Дала благородную вам красоту.
То — жизнь,
То — любовь,
То — величье народа
У стен Мавзолея стоят на посту.

В домах, среди ночи морозной и ясной,
Одетые в свой новогодний наряд,
Красуются ели, —
Обычай прекрасный!
И в центре столицы, на площади Красной,
Как вечная молодость, ели шумят.

Перевел с узбекского
С. Липкин

Колонны

Лев СОРОКИН

В Москве, в метро, шагая по перрону,
Я вдруг с Уралом встретился опять:
Покрыла сталь уральская колонны,
Чтоб красоту с бессмертьем сочетать.

Я из метро поднялся возбужденный,
И зашагал я в сторону Кремля,
Гордясь, что на уральские колонны
Надежно опирается земля.

Утро Баку

Наби БАБАЕВ

Рассвет над Баку. Свежий ветер и солон и влажен.
Рассвет над Баку... Голубая волна холодна.
Несчетные вышки стоят над биением скважин,
Как будто поднявшись незримо с каспийского дна.

Туман предрассветный над морем редеет и тает.
Над Городом Черным[1] плывет караван облаков.
И остров Наргин из предутренней мглы вырастает,
И долго слышна перекличка заводских гудков.

От мирного сна пробуждается город наш славный.
Размеренно бьется могучее сердце его.
Подъемные краны над стройками движутся плавно,
И окна домов отражают зари торжество.

И льются потоки лучей ослепительно ярко
На нашу столицу, на Каспия пенный простор,
И высится Киров над влажною зеленью парка,
И солнцу навстречу он правую руку простер.

Перевела с азербайджанского
В. Длигач

[1] Черный Город — район Баку.

Половодье

В. ШВЕЦ

Ты на Владимирскую горку
Взойди, когда светлеет высь.
В пологий, левый берег зорко
Сквозь утренний туман
вглядись.

Не росы на сырой равнине,
И не леса встают из мглы —
Разлился Днепр!..
Откуда, синий,
Несет он пенные валы!

Есть озеро в полях России.
В его воде отражены
Просторы неба голубые.
Там встретил я огонь войны...

Близ верб зеленых, у причала,
Стоит привязанный паром.
Из озера берет начало
Ручей.
Зовется он Днепром.

Мужают волны молодые,
Бурлит и пенится ручей.
Его поит земля России
Живой водой своих ключей.

Он льется солнечным потоком,
И — Белоруссии краса —
Его волну целебным соком
Питают хвойные леса.

Пересекая Украину,
Он ускоряет вольный бег,
В свою широкую стремнину
Вбирая воды малых рек.

Вскипая, как валы морские,
О берег половодье бьет.
И в быстрину вглядевшись,
Киев
Свой новый облик узнает.

Могучих трех республик недра
Поят днепровскую струю,
И Днепр народам братским
щедро
Всю силу отдает свою.

За все столетия впервые
Так суждено ему вскипеть;
Поймает суховеи злые
Он в оросительную сеть.

Я вижу, слышу: по каналам
На суховеи, на пески
Он катит с гулом небывалым
Волну, зажатую в тиски.

Бегут навстречу ей девчата:
— Сады щедрее орошай!
Какой обильный и богатый
Теперь мы снимем урожай!

С воды, не говоря ни слова,
Столетний дед не сводит глаз.
Он здесь мальчишку-рыболова
Увидел нынче в первый раз.

Дивится мать при всем народе:
— Воде конца и края нет!
— Да это счастья половодье! —
С улыбкой говорит ей дед.

Недаром трех республик недра
Поят днепровскую струю.
И Днепр народам братским
щедро
Всю силу отдает свою.

Перевела с украинского
Вера Потапова

В Театре имени Моссовета. Справа — руководитель киргизской студии М. П. Чистяков.

Путь к сцене

Алексей ПОПОВ,

народный артист СССР, художественный руководитель ГИТИСа имени А. В. Луначарского

Фото С. Шингарева

Неподалеку от Арбатской площади в Москве, в тихом Собиновском переулке, расположилось здание Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского — ГИТИС. В этом здании некогда помещались драматические курсы Филармонического общества, где один из славных основателей Московского Художественного театра, Вл. И. Немирович-Данченко, выпестовал таланты И. М. Москвина, Л. М. Леонидова, О. Л. Книппер-Чеховой. С той поры это небольшое здание стало всемирно-известным центром театральной педагогики.

В советские годы из стен его вышли такие опытные, с успехом работающие в разных краях страны мастера театра, как режиссеры Гомбожап Цыдынжапов (Улан-Удэ), Адиль Искандеров (Баку), Б. Покровский (Большой театр), артисты А. Георгиевская (МХАТ), Е. Гоголева, Е. Солодова, Б. Горбатов (Малый театр), Н. Кемарская (Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко), П. Мысов (Сыктывкар), балетмейстеры Г. Валамат-Заде (Сталинабад), Е. Чанга (Рига) и многие другие, чьи достижения отмечены почетными званиями и Сталинскими премиями.

Не будет преувеличением сказать, что на всей необъятной территории нашей страны сейчас нет театра, в котором не трудились бы воспитанники ГИТИСа. Более того, во многих городах, в том числе и во многих республиканских центрах, с успехом развиваются театральные коллективы, созданные в стенах института. В качестве примера можно назвать Азербайджанский национальный театр в Баку, Северо-Осетинский — в Дзауджикау, Коми театр в Сыктывкаре, Бурят-Монгольский — в Улан-Удэ, Татарский театр юного зрителя в Казани, Якутский, Литовский, Кабардинский и многие другие.

Сейчас в институте занимается более 500 студентов. Они учатся: на режиссерском факультете, где есть отделения режиссеров драматического и музыкального театра, а также балетмейстерское; на актерском факультете, воспитывающем артистов драмы и музыкальной комедии; в эстонской, казахской, туркменской, аварской, лезгинской и киргизской национальных студиях.

Юношей и девушек, обучающихся в институте, роднит их любовь к театру, к реалистическому искусству, их общая мечта стать достойными деятелями советского театра, несущего людям передовые идеи. Жизненные пути наших студентов различны, но у всех одно стремление — пройти серьезную идейно-творческую подготовку, вооружиться марксистско-ленинским методом мышления, овладеть мастерством.

Современная театральная молодежь понимает, что без такой подготовки нельзя стать художником великой сталинской эпохи.

Петр Щербаков, сын рабочего московского завода «Серп и молот», первоначально обучался в автомеханическом техникуме и закончил его. Затем работал на

Любовно и вдумчиво изучая труды В. И. Ленина и И. В. Сталина, готовятся к зачетам в читальном зале института студенты: болгарка Веселина Ганева, бывший воспитанник испанского детского дома в РСФСР Анхель Гутьеррес, бурят-монгол М. Сахиров и кореец О Пен Чо.

В новой постановке Московского театра имени Ермоловой — «Ксения» — занято четверо молодых артистов, воспитанников института: А. Ивашов (в центре) исполняет главную роль председателя колхоза Соловьева, В. Балагуров (сидит справа) — бригадира Золотова, П. Шальнов (сзади) и В. Андреев — молодых колхозников. Этот спектакль поставлен режиссером А. Гончаровым, также выпускником ГИТИСа.

Будущие актеры начинают профессиональную школу с этюдов — подготовки небольших драматических отрывков. Заслуженный деятель искусств РСФСР О. И. Пыжова корректирует один из первых этюдов, самостоятельно подготовленных студентами-лезгинами.

Автозаводе имени Сталина. Он был активным участником заводской художественной самодеятельности: юный чтец с воодушевлением читал в концертах творения великих классиков и современных поэтов. Дарование Щербакова развивалось, и он решил целиком отдаться театру. Ныне Щербаков — студент актерского факультета по курсу народного артиста РСФСР В. Орлова, отличник учебы, один из наиболее активных комсомольцев института.

Актриса киргизского колхозного театра Бибина Мусуралиева у себя на родине достигла значительных творческих успехов и была удостоена звания заслуженной артистки республики. Но и она пришла в институт, чтобы получить высшее театральное образование.

Молодая эстонская учительница Аста Абель, сын колхозника-казаха Саин Дарбасов, венгерский актер Иштван Казан и многие другие юноши и девушки из братских республик и стран народной демократии приехали в Москву, чтобы здесь учиться любимому искусству. Столица Советской страны тепло встретила их.

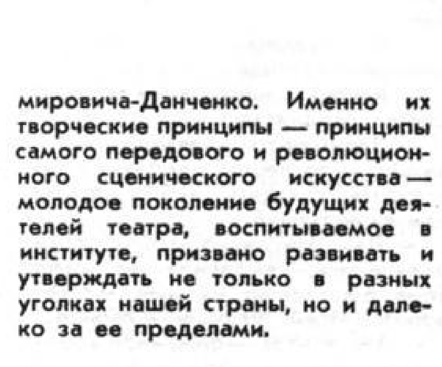
В ГИТИСе говорят на 38 языках. Здесь можно услышать русскую и киргизскую, казахскую и лезгинскую, латышскую и эстонскую, чешскую и польскую, китайскую и корейскую, болгарскую и венгерскую, румынскую и албанскую речь. И весь этот многонациональный коллектив живет дружной молодой семьей, крепко спаянный общностью интересов и стремлений.

Лучшие мастера театра, опытнейшие преподаватели сценического искусства — народный артист СССР Ю. Завадский, народные артисты РСФСР И. Судаков, В. Орлов, Н. Петров, А. Лобанов, Р. Захаров, заслуженные деятели искусств Н. Горчаков, О. Пыжова, Л. Баратов, П. Марков, И. Раевский и многие другие щедро отдают им свои знания, свой опыт.

Большинство преподавателей Государственного института театрального искусства были учениками славных реформаторов театра К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Именно их творческие принципы — принципы самого передового и революционного сценического искусства — молодое поколение будущих деятелей театра, воспитываемое в институте, призвано развивать и утверждать не только в разных уголках нашей страны, но и далеко за ее пределами.

Умение свободно и непринужденно носить костюмы разных эпох и народов немаловажно для артиста. Студентка четвертого курса актерского факультета Галина Гервасиева примеряет платье к учебному спектаклю. Ей помогает заведующая костюмерной М. Федорович, работающая в институте более двадцати лет.

Девятнадцать национальных студий подготовлено в стенах ГИТИСа. В 1952 году начался первый сезон молодого литовского театра в Каунасе, труппа которого еще недавно была студией ГИТИСа под художественным руководством народного артиста РСФСР В. Орлова. Недавно театр показал еще одну премьеру — «Женитьбу Фигаро» Бомарше. На снимке: сцена из этого спектакля. В роли графа Альмавивы — К. Генис, в роли графини — Т. Мацкевичюте.

Очередной урок грима. Преподаватель А. И. Каждан, знаток гримировального искусства, внимательно следит за тем, как преображается внешность будущего актера Беньямина Друя (Эстония) — исполнителя роли доктора Макарова («Варвары» М. Горького).

НОЧЬ В БИБЛИОТЕКЕ

Фельетон

Сергей МАКСИМОВ

Рисунки Е. Ведерникова

Тоня так набегалась за день, что прилегла на минуту — и проспала. Но это бы еще ничего! Туфли, первые в жизни лакированные лодочки, которые она собиралась сегодня обновить, забыты на работе, в библиотеке. А до встречи Нового года остался только час...

Вслух ругая себя за забывчивость, Тоня вбежала в библиотеку и — обомлела.

Зал был ярко освещен; но всего непонятнее было то, что запертый зал, ключи от которого хранились в надежных руках сторожа, был полон людей. И люди эти вели себя совсем не так, как обычные посетители библиотеки: они сдвигали столы в один длинный, банкетный, откупоривали вино... Не могло быть сомнений: они готовились к встрече Нового года. Из двери, что вела в книгохранилище, прибывали все новые гости.

— Что здесь происходит? — спросила Тоня строгим голосом.

— Тоня! Вот хорошо! Новый год будете встречать с нами! — воскликнул человек, лицо которого показалось ей удивительно знакомым. Он улыбнулся, и Тоня вдруг сразу узнала: это главный герой замечательной книги, о котором Тоня на читательской конференции сказала, что, встреть она его в жизни, непременно влюбилась бы. Теперь он стоит рядом с ней, живой. Тоня покраснела. Но как он мог сойти со страниц повести?!.

Ей хотелось спросить его об очень многом, но вместо этого она сказала только:

— Я за туфлями... Я на минуточку...

— Вот ваши туфли, Тонечка. Но мы вас никуда не отпустим. Весь этот год вы провели с нами, значит, и новый будем встречать вместе!

Тоню обступили, ей пожимали руки, ей улыбались, наперебой предлагали место за столом... И тут ее осенило: все, кто собрался в этом зале, сошли со страниц книг! Потому-то она и почувствовала сразу, что многих из них уже видела и встречала когда-то. Потому-то они и пришли все оттуда, из книгохранилища. Однако разве случалось когда-нибудь... Нет, это похоже на сон. И у Тони мелькнула мысль: какую необычайную беседу героев и читателей могла бы она организовать, если бы знала заранее, кто здесь соберется! Ведь такого мероприятия не удавалось провести ни одной библиотеке страны! Увы, приглашать читателей было уже поздно. Но сама она решила остаться непременно. (Да и кто бы не остался на ее месте!)

И вот она сидит за столом. По левую руку от нее Андрей Павлович, тот самый, о котором она так горячо говорила на конференции, что сейчас даже не решается на него смотреть. А дальше... дальше нарядные и праздничные герои книг, которые ни дня, ни часа в этом году не застаивались на библиотечной полке.

Когда Тоня немного успокоилась и смогла внимательно оглядеться, она заметила, что не всех присутствующих знает и помнит. Например, о молчаливом молодом парне, сидевшем справа от нее, она не могла с определенностью сказать, из какого он произведения. Возможно, она встречала его во многих книгах, а может быть, и нет. Она ничего о нем не помнила и потому спросила:

— Простите, пожалуйста, вы из какой повести?

— Я не из повести, я из производственного романа писателя... (Тоня не расслышала фамилии), — ответил молчаливый парень, не поворачивая головы.

— А! Совершенно верно,— сказала Тоня так, словно теперь-то она его припомнила.— Вы ведь там, по-моему, чуть ли не главный герой?

— Дал четыреста процентов плана.

— Здо́рово! Как это вам удалось?

— Так. Загоревшись желанием, я, сокращая сроки, добился рекорда.

— Трудно было, наверно?

— Ломая препятствия, преодолевая сопротивление, борясь с консерваторами...— пояснил он.

— Странно как говорите вы,— сказала Тоня, немного ошарашенная.

— А я художественно неполноценный,— сообщил парень.

— Какой? — переспросила Тоня, слегка отодвигаясь.

— Задуман-то я автором правильно,— поспешно добавил он, стараясь сгладить неблагоприятное впечатление.

— Да... Неудачно это с вами получилось,— выдавила из себя Тоня, решительно не зная, что говорят в таких случаях,— бывает...

— Так я что? — оживился хорошо задуманный образ.— Вот брат мой, тот вообще... еще хуже даже: по замыслу порочный! Совсем никуда уж... И сюда придти постеснялся.

— Конечно, конечно,— немного невпопад перебила его Тоня.

— А думаете, мне приятно таким быть? — продолжал он.— Ни с кем поговорить не могу — слов автор не дал. В театр не хожу — не пускает.

— Выпейте с нами вина,— участливо предложил Андрей Павлович.

— Не пью. Такая мне дана индивидуальная черточка.

— Может быть... вы... если...— начала Тоня, не зная, что́ же ему предложить.

— Что обо мне говорить! Образ я незапоминающийся, бледная тень. Правильно про меня в статьях пишут,— сказал он и исчез. Должно быть, вернулся в книгу.

Андрей Павлович наклонился к Тоне и сказал:

— Но зато ведь, правда, приятно увидеть за новогодним столом такую чудесную пару,— он незаметно указал на юношу и девушку, которые сидели напротив них.

— Они чудесные! — убежденно сказала Тоня.— И любят друг друга давно,— добавила она так, словно много лет с ними дружила, а не прочитала о них в книге.— Только Вася ей все не говорит про свою любовь, не решается, наверное. Мы на читательской конференции прямо удивлялись!

— Так я ведь уже сказал. Правда, Нина? — возразил Вася.

Нина вспыхнула и кивнула головой:

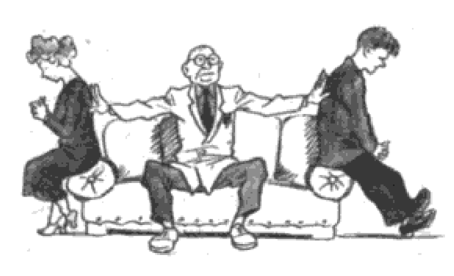
— Правда.

— Как же правда? — возмутилась дотошная Тоня.— В книге ничего такого нет!

— В книге нет,— печально подтвердил Вася.— Ведь тут все свои, верно,— обратился он к Нине,— так я расскажу, что в последней главе случилось, а?

— Как хочешь,— ответила девушка, краснея.— Только, может, лучше...

— Нет, здесь все свои,— сказал он упрямо. — Так вот, в последней главе я Нину вечером провожал домой. В рукописи было хорошо: я ее обнял и крепко поцеловал. В гранках — крепко поцеловал (обнимать рецензент не посоветовал). В верстке — просто поцеловал. А в книжке... в книжке уж

только руку пожал! После я узнал, как это получилось: верстку критику одному, Прошину, показали. Он и прикончил все: поцелуй на улице, говорит, снижает образ рационализатора.— Герой сокрушенно замолк.

В дверях появилась сутулая мужская фигура. Так как новый гость пришел не из книгохранилища, а с улицы, на него все обратили внимание.

— Общий поклон! Прошин,— произнес вошедший.— Я, кажется, со всеми здесь знаком,— сказал он небрежно.

— Еще бы! Знакомы! — недоброо отозвался Вася.— Это тот самый... «Поцелуй снижает образ...» У-у, сухарь чортов!

Но Прошин, должно быть, не расслышал этого приветствия и стал рассказывать, как сюда попал.

— Понимаете, троллейбус вдруг испортился...— начал он.

— В это трудно поверить,— мстительно припомнил Вася обычный ход прошинских критических рассуждений,— авария нетипична для работы нашего транспорта в целом!

— ...и мне пришлось пойти к вам пешком. Но по дороге, представьте, поскользнулся и упал — дворник за тротуаром не следит! Такая безответственность!

— Нельзя не усмотреть в этих словах попытки опорочить скромных тружеников коммунального хозяйства столицы,— подмигнув Васе, с серьезным видом произнес Андрей Павлович мучительно знакомую Прошину фразу. «И этот меня цитирует»,— подумал Прошин, но собственная популярность не доставила ему на этот раз удовольствия. Он хотел было с привычной категоричностью ответить Андрею Павловичу, одернуть зарвавшийся образ, но тут обласканные им в разное время персонажи увлекли его на другой конец стола.

— Там ему и место! — усмехнулся Андрей Павлович. — Пусть проводит новогоднюю ночь в компании скучных, лакированных людей. У них и угощение особое: сахар постный и сироп на сахарине.

— Во что это они играют? — перебила его Тоня, глядя на другой конец стола. Там, под одобрительные возгласы Прошина, герои, сошедшие с полки «Театр и драматургия», занимались привычным делом: восемь человек то в разнобой, то хором уговаривали одного, тупо упиравшегося, признать, что он не прав. Тот выслушивал все это и отвечал подробными монологами, смысл которых сводился к «Не хочу. Не буду!»

К моменту, когда спор длился уже довольно долго, входил средних лет мужчина, которого все приветствовали словами:

— Здравствуйте, товарищ Прописной!

— Ну, что у вас тут происходит? — спрашивал вошедший и, не дожидаясь ответа, проницательно и поучительно произносил:

— Зазнаваться и противопоставлять себя коллективу — нехорошо. Вам нужно серьезно подумать об этом.

— Уже! — горячо восклицал упорствовавший до этого персонаж.— Только теперь я понял, как глубоко я заблуждался! — После чего все переходили к банкетному столу; а подкрепившись, снова принимались спорить, и это казалось странным, если не знать, что началась уже другая пьеса.

И снова отворились двери. Сквозь них вплыло розовое облачко с расплывчатыми очертаниями, отдаленно напоминавшими человеческую фигуру. Своего лица оно не имело, в коротеньких ручках держало толстый пучок восклицательных знаков и было усыпано многозначительными крапинками многоточий.

— Что это? Кто это? Откуда? — спрашивали все друг у друга, пока облачко витало вокруг стола.

— Загадочное литературное явление,— сказал Андрей Павлович.— Вот мы у критика спросим; пусть определит его жанр, пол и происхождение.

— По всей вероятности,— сказал Прошин авторитетно,— это лирический герой цикла стихов поэта... э-э-э...— Он надел пенсне, долго вглядывался и наконец определил: — Петра Евгеньева. — Затем он торопливо повлек облачко в книгохранилище, опасаясь, как бы памятливые сотрапезники не припомнили его статью о стихах Петра Евгеньева, в которой было сказано: «Лирического героя этих стихов ни с кем не спутаешь, его тотчас узнаёшь по отчетливым, одному ему присущим чертам».

В зале начались танцы. В круг вошли пять одинаковых пар. Парни были похожи друг на друга, как близнецы, девушки — тоже. Девушки были голубоглазые, русые, с задорными улыбками, парни — коренастые, с открытыми ли-

цами и непокорными прядями, спадающими на лбы.

— Уж не из очерков ли вы? — спросила Тоня.

— Из очерков! — бодро ответили близнецы одинаковыми голосами.

Сначала все шло хорошо: каждый парень танцевал с девушкой из того очерка, из которого пришел. Но тут Андрей Павлович опрометчиво провозгласил:

— Кавалеры, меняйте дам! — И, когда смолкла музыка, все безнадежно перепуталось: ни один из юношей не смог догадаться, какая же из пяти девушек его спутница. На рассвете, так и не разобравшись, они разбрелись по своим пяти очеркам как попало. Но никто впоследствии не заметил этой подмены.

— Выходит, вы, Андрей Павлович, совершили роковую ошибку, когда сказали: «Кавалеры, меняйте дам!», — рассмеялась Тоня.

— А разве бывает, что взрослые ошибаются? — в недоумении спросили дети, сидевшие в стороне за маленьким столом. Все они были гладко причесаны и серьезны. До сих пор они сидели тихо и вели между собой чинную беседу о необходимости строго соблюдать режим дня, неукоснительно слушаться родителей и учителей и немедля признаваться в совершенных проступках. Это были герои недавно вышедшей детской повести, на которых не могли нарадоваться редактор и автор: ведь они целый год, не жалея сил, сообща причесывали, прилизывали и приглаживали их. И теперь мальчик из повести говорил:

— А наш директор, наши учителя никогда не ошибаются. Мы думали, и все взрослые так...

— И вы тоже никогда не ошибаетесь? — с любопытством спросила Тоня.

— Нет, мы ошибаемся, но тогда с нами вожатый или учитель проводит беседу, и мы сразу осознаем... Простите, по распорядку дня нам пора спать, — закончил он, и дети парами, степенно отправились в книгохранилище.

...Гремела музыка. Танцы продолжались. В зале было тесно. Пары сталкивались. Только Прошин привычно лавировал, ловко обходил углы и старался никого не задевать.

Вдруг он заметил Марию Владимировну Н. Он хорошо знал живой, неровный, взбалмошный и все-таки обаятельный характер этой женщины. Когда-то он жестоко осудил ее в статье, а теперь увидел, до чего она привлекательна. С бьющимся сердцем он пригласил ее на вальс и уже через пять минут забыл все, что писал в статье, а через десять произнес слова, которые так часто запрещал говорить героям рецензируемых книг.

— Едва ли можно себе представить, чтобы вдумчивый и передовой человек мог с первого взгляда увлечься Марией Владимировной, какой она предстает перед нами, — ответила ему Мария Владимировна, весело рассмеявшись.

— Кто посмел так сказать? — вскричал Прошин, искренне возмущенный в эту минуту.

— Вы, — ответила Мария Владимировна. — Оправдывайтесь, если можете.

Прошин залепетал что-то невразумительное. Потом, собравшись с силами, начал оправдываться:

— Ведь меня что смутило? Когда я вас в книге встретил, ведь главный герой вами с первого взгляда увлекся. Я и подумал, как бы это не набросило тень на его деловую репутацию, как бы чего...

Договорить он не успел. Заскрипела стремянка, приставленная к книжной полке, и сверху, осторожно переставляя ноги со ступеньки на ступеньку, стал спускаться человек с зонтиком, в глубоких калошах и плаще.

— Золотые слова! — проговорил он, сладко улыбаясь и протягивая Прошину руку. — Беликов. Почел бы за честь выпить с вами на «ты». Не сочтите за навязчивость. Со своей стороны...

— Беликов! Человек в футляре! — воскликнула Тоня.

Прошин попятился и выбежал из библиотеки.

* * *

А в зале продолжался бал.

«Как хорошо стало здесь, когда ушли все эти!..» — подумала Тоня. Вдруг кто-то громко окликнул ее, и она проснулась.

Было уже одиннадцать часов вечера. Пора было спешить на встречу Нового года.

Из «Сталинградской тетради»

Александр ПРОКОФЬЕВ

У СТЕН СТАЛИНГРАДА

Скульптура над Волгой

Далеко за Волгу смотрит Сталин,
Далеко за Волгой день горит.
Там, где шел он, рощи расцветали
И в четыре моря степь гремит!

Все они по самый край в лазури,
И хотя их жизнь — десятки дней,
Но они уже видали бури,
С ними силой мерялись своей.

Этой степью труд прошел
могучий,
Путь проложен им — широк
и прям,
И моря гремят, врываясь в тучи,
Как и полагается морям!

Степь цветет —
другие дни настали,
Ясен край, преображенный весь.
...Встал над Волгой,
снял фуражку Сталин,
Восхищенный тем,
что видит здесь.

Видит он, окинув подвиг взглядом,
Как над степью многовековой
Боевая слава Сталинграда
Салютует славе трудовой!

НА ВОЛГЕ

Широко легла дорога,
Светлый путь к пяти морям.
По-над Волгой песен много,
Их легко запеть друзьям.

Их легко запеть на пристани,
Где сама волна поет,
Где «Страданье» с гармонистами
Вплоть до Каспия идет!

«Ой, хорошо на Волге летом.
Что мне делать, посоветуй!

Выйду к дому, стукну в сенцы,
Мать не знает, что на сердце.

А на сердце Волга-речка...
Милый скажет три словечка,

Я от них похорошею,
Кинусь милому на шею!»

Широко легла дорога —
Светлый путь к пяти морям.
По-над Волгой песен много,
Их легко запеть друзьям.

Их легко запеть в Камышине,
Где с зеленых поясов
Все ясней, все громче
слышится
Молодой прибой лесов.

Широко легла дорога,
Светлый путь к пяти морям.
По-над Волгой песен много,
Их легко запеть друзьям.

Там запели, здесь ответили,
Затянули высоко,
А где Волга с Доном
встретились, —
Петь особенно легко!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ КАЗАЧЬЯ-МОРСКАЯ

Буйный ветер со взгорий
Расшумелся опять,
И казацкого моря
Никому не унять!
Где-то молнии блещут,
И во мраке ночном
То слабее, то резче
Ходит по небу гром.
Это горе — не горе,
И ты, мальчик мой, спи!
Пусть казацкое море
Бушует в степи.

На сто верст потемнело,
Голубое, оно,
Вон башлык его белый
Виден в наше окно.
Знать, волною красуясь,
Не смежив очи сном,
По-казацки гарцует
Море здесь, под окном.
Это горе — не горе,
И ты, мальчик мой, спи!
Пусть казацкое море
Бушует в степи.

По большому разводью
Ветер начал гулять:
То опустит поводья,
То натянет опять.
По затонам-заливам
Засвистал посильней
И погнал белогривых,
Синей масти коней.
Это горе — не горе,
И ты, мальчик мой, спи!
Пусть казацкое море
Бушует в степи.

ЗЕЛЕНАЯ РОЩА

Увидев в степи небывалое дело,
Зеленая роща всю ночь
прошумела.

К ней хлынули трели веселые
птичьи,
Везде зазвенели запевки
девичьи.

Зеленая роща, Зеленая роща
Увидела воду большую воочью.

Увидела воду,
что мчалась потоком,
Могучим потоком, рекою,
потопом!

Зеленая роща, Зеленая роща,
Вода тебе снилась весеннею
ночью.

И ты каждый раз в ней стояла
по плечи,
Вела с нею речь на зеленом
наречьи!

«Зеленою рощей» поселок
зовется,
Зеленая роща поет и смеется!

ЭТО БЫВАЕТ И В АНГЛИИ

Рассказ

Джек ЛИНДСЕЙ

Рисунки В. Высоцкого

Джек Линдсей — прогрессивный английский писатель. Родился в 1900 году в Австралии.

Литературная деятельность Линдсея многообразна: он прозаик, автор романов на исторические и современные темы, поэт, критик и переводчик. Наиболее значительные из его романов: «Адам нового мира» (переведен на русский язык в 1940 году), «1649», «Люди 1848 года». Сейчас писатель работает над романом о послевоенной Англии.

Линдсей известен в Англии как переводчик произведений Маяковского, Тихонова и других советских поэтов.

Линдсей является активным участником движения борьбы за мир.

В 1949 году он приезжал в Советский Союз на пушкинские торжества. Свою поездку Линдсей описал в книге «Мир будущего» (1950 год). В конце 1950 года он издал книжку стихов о мире: «Мир — наш ответ».

— Войдите! — приветливо произнес Джордж Даттон, медленно направляясь к двери.

И именно потому, что ему хотелось как можно скорее избавиться от Вилла Ламберта, он повторил еще радушнее:

— Войдите!

Ламберт, стоявший в нерешительности на пороге, кивнул головой и пробормотал, что, проходя мимо, заглянул лишь затем, чтобы взять обещанную ему книгу Уэллса.

Даттон провел Ламберта в гостиную и, наклонившись к пылающему камину, потер руки. Это время дня он считал самым приятным: никогда дома не бывает так уютно, как в тот час, когда возвращаешься с работы. В душе Даттон надеялся, что Ламберт, получив книгу, уйдет, не возобновляя обычных рассуждений о том, что и ему, Даттону, следует поставить свою подпись под обращением в защиту мира и против оккупации Англии американскими войсками. И теперь у него начинало портиться настроение при одной мысли о том, что опять завяжется дискуссия, в то время как ему так хотелось отдохнуть в своей тихой квартире и забыть о безумии, творящемся на белом свете.

Но Ламберт, стоя у полок из полированного дуба, все же завел разговор на эту тему, как бы обращаясь к самим книгам. Даттон, усевшись у огня, рассеянно слушал его.

— Жаль, что нет в живых Уэллса. Он нашел бы крепкие слова для характеристики интеллигентов, уклоняющихся от борьбы с современными варварами.

— Я, слава богу, не интеллигент, — сухо возразил Даттон, — а всего-навсего заурядный чиновник, с трудом добившийся некоторого положения в обществе.

Слова эти он произнес торопливо, как бы желая предупредить спор, к которому явно стремился гость, и принялся перебирать старые, изрядно потрепанные доводы, с помощью которых обычно отбивал атаки Ламберта: мы служим государству, мы не должны становиться на сторону той или иной партии, мы не должны мешать правительству, которому подчинены, и, в конце концов, было бы ведь сущим идиотизмом впутываться в такие дела, чтобы затем тебя выбросили со службы. И ради чего, спрошу я вас? Приписывая всю вину одной из сторон, вы впадаете в крайность и подрываете доверие к себе; вы знаете так же хорошо, как и я, что слова сами по себе ничего еще не значат. Борьба за мир,— конечно, благородное дело, но можете ли вы сказать мне, где кончается наивный идеализм и где начинается подчинение политике Москвы?

Но, к большому удовлетворению Даттона, Ламберт, видимо, уже устал от споров.

— Страус вы, вот кто, — вяло произнес он, захлопывая книгу.

И в тот момент, когда он собирался уходить, над домом послышался свист реактивного самолета. Даттон недовольно взмахнул рукой. Он ненавидел эти звуки, раздававшиеся здесь все чаще с тех пор, как в нескольких километрах от города построили новый аэродром. Сейчас, когда перед ним стоял Ламберт, этот шум был ему особенно неприятен. Он поднялся с кресла и включил радиоприемник.

Однако сегодня ему определенно не везло. По радио передавали чью-то речь в пользу перевооружения Западной Германии. Он выключил радио.

— Никак вам не спрятаться! — криво усмехнулся Ламберт.

Поговорив еще немного об Уэллсе, Ламберт ушел, и Даттон, посмотрев ему вслед, со вздохом опустился в кресло, стоявшее перед камином. Он закрыл глаза и, стараясь отвлечься от одолевавших его дум, стал вспоминать, что́ он недавно прочел в одной книге о жизни птиц.

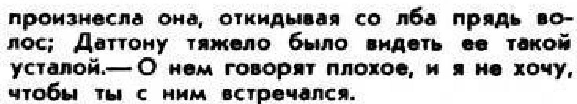
Но тут в комнату ворвалась жена и заставила Даттона очнуться.

— Зачем приходил сюда Ламберт? — спросила она, вытирая кухонным полотенцем руки.

Чувство досады, которое вызвал приход Ламберта, Даттон перенес теперь на жену.

— Но почему ты не явилась сюда, когда он был здесь?

— Зачем я буду слушать этого болтуна? У меня и без того хватит забот! — озлобленно

произнесла она, откидывая со лба прядь волос; Даттону тяжело было видеть ее такой усталой.— О нем говорят плохое, и я не хочу, чтобы ты с ним встречался.

— Да, но мы работаем в одном учреждении, — ответил он, оправдываясь. — Чего же ты хочешь от меня?

— Ничего не хочу! Я слишком хорошо знаю тебя. Но, прежде чем заводить с ним знакомство, ты должен был бы подумать о том, что жить становится с каждым днем труднее. — Она глубоко вздохнула.— Пайки все уменьшаются, а цены растут. Не знаю, как дальше кормить вас, тебя и Дорис. Право, не знаю, что делать! — Она указала пальцем на конверт, прислоненный к стоявшей на столе вазе: — Ты видел? Без меня ты ничего не замечаешь вокруг...

Он медленно поднялся с места и взял письмо. Вскрывая почту, он теперь часто чувствовал тревогу.

— Я узнал бы ее почерк за километр, — произнес он, подержал письмо в руке, словно взвешивая его, и опять уселся в кресло.— Надеюсь, на сегодня хватит этих самолетов. Они действуют мне на нервы...

Ему хотелось остаться одному. Он положил письмо на ручку кресла и закрыл глаза.

— Не у одного тебя нервы.

Он сделал движение, будто хотел подняться с места:

— Что случилось?

— О, ничего! — с горечью усмехнулась она. — Решительно ничего...

— Ну, и что ж... — Он откинулся в кресле.

— Меня тревожит Дорис. Но, быть может, не стоит касаться этого? Ты ведь устал и хочешь отдохнуть?

— Дорис? — сказал он, пытаясь показать, что это волнует его.

— ...Со всеми этими американцами... — произнесла она как бы невзначай.

Он продолжал молчать, понимая, что она выложит все, что у нее на душе, если не перебивать ее. Глубоко вздохнув и откашлявшись, она начала:

— Дочка Вилькинсов, Эмилия, в прошлый четверг вернулась в час ночи домой и свалилась с лестницы. Мать ее говорит, что она доставляет им много забот. Они ничего не могли от нее добиться.

— Удивительного в этом мало, — заявил Даттон решительным тоном. — Она всегда была несколько ветрена... — Но тут же он понял, что одним осуждением Эмилии не добьется ясности. И так как пытливый взгляд жены заставил его перейти к обороне, то он спросил: — Но какое имеет это отношение к Дорис?

— О, никакого! — сказала она с иронией, которая всегда бесила его. — Никакого, если не считать, что и Дорис гуляет с американцем.

— Откуда это тебе известно?

— Я видела у нее в сумке письмо.

— Ты рылась у нее в сумке и читала ее письма?

— Я мать, и то, что я нашла, доказывает, что я имела основания к подозрениям. Ты, конечно, скорее согласишься, чтобы она погубила себя, чем заглянешь в ее сумку...

— Чтобы она погубила себя! — вспылил Даттон. Нет, Дорис все же заслуживает лучшего обращения! Теперь уже ему хотелось сказать жене колкость: — Не станешь же ты рассказывать мне басни, что Дорис вернулась домой в час ночи и скатилась с лестницы...

— Пока нет, — не смутилась жена, — этого не случится и в будущем, если у меня будет хоть какая-нибудь власть. Дорис — твоя дочь, и она, конечно, не может совершать дурные поступки. Но она и моя дочь!

— И поэтому...— подхватил он, но тут же пожалел об этой слишком плоской реплике.

— Раз она скрыла от меня, значит, ей стыдно...

И тут в нем неожиданно родилось желание покончить с этой поистине нелепой сценой. Теперь ему было известно о дочери столько же, сколько и жене, и он ни за что на свете не хотел бы оказаться в положении, при котором должен был бы принимать решения, противные его духу, и разыгрывать в дешевой мелодраме роль патриархального главы семейства. Именно к этому клонила жена, а он не хотел доставить ей такое удовольствие. И какого черта люди вмешиваются в чужие дела! Не лучше ли оставить его в покое?

Он взял все еще не распечатанный конверт и повертел в руках. Потом положил письмо на прежнее место и полез в карман пиджака за вечерней газетой. Заголовок, сообщавший о сокращении ассигнований на народное образование, заставил его взглянуть на жену:

— Ну, и как? Ты разговаривала с ней?

— Ну что ты! Она ведь твоя любимица!

Она опять глубоко вздохнула, но вдруг хлопнула себя рукой по лбу и кинулась в кухню. Видимо, на плите что-то подгорело. С чувством облегчения Даттон включил радио. Шла какая-то инсценировка, все участники ее говорили с американским акцентом, то и дело мелькало слово «шпион». Он выключил радио и опустился в кресло. Нагнувшись, он взял книгу Гарди «Под зеленым деревом» и, перелистывая страницы, которые знал наизусть, ощутил полный покой. И почему люди не занимаются своими собственными делами? Что за времена настали!

Даттон услышал, как кто-то открыл наружную дверь. Вбежала Дорис. На лоб ее свисал светлый локон. Она бросила сумку на пуф и стала снимать пальто.

— Здравствуй, отец! Как ты себя чувствуешь? Жаль, что я так поздно вернулась, — я подала бы тебе комнатные туфли. Бедненький, ты так мало заботишься о себе! — Она подобрала волосы над ушами. — Я не могла уйти раньше со службы. Старый Скотт как начал диктовать мне одно письмо за другим...

С улыбкой смотрел он на нее, раскуривая трубку. Желания, мечты Дорис — какой это загадочный мир! Кажется, только у нее одной голова была на месте, и она одна знала, что делать. Но тут Даттон вспомнил о жене, в груди у него что-то защемило, и он сказал тоном, которому пытался придать оттенок строгости:

— Все же тебе следовало бы провести и с нами вечерок.

— Завтра! Завтра ты увидишь меня в роли хозяйки. Мне надо кое-что переделать в новой юбке.

Она разглядывала себя в зеркале, висевшем над камином.

Сделав Дорис замечание, чтобы жена не могла обвинить его в полном безразличии, он тут же решил смягчить свои слова:

— Знаешь, я сказал это только затем, чтобы подразнить тебя. Развлекайся, моя дорогая, пока есть возможность. Не знаю, чем это объяснить, но последнее время я как-то безразличен ко всему... и немного растерян... — Он слабо улыбнулся. — Старость, что ли?..

Она опять поправила волосы над ушами.

— Глупости говоришь... А мне надо уходить...

Но он на мгновение задержал ее руку в своей:

— Скажи мне, Дорис, ты счастлива? Глупый вопрос, старческий...

— Право, не буду отвечать на такие несуразные вопросы.

— Но ты счастлива? Это — все, что я хотел бы знать.

— Конечно, счастлива. И почему мне не быть счастливой?

Тон ее ответа не совсем удовлетворил его, но он не знал, как продолжить этот разговор. И, глядя на ее юное, открытое, немного насмешливое лицо, он чувствовал успокоение. Они еще продолжали улыбаться друг другу, когда вошла миссис Даттон, кинув на дочь испытующий взгляд.

— Разговаривал ты с Дорис? — спросила она и тут же обернулась к дочери: — Уходить сегодня и не думай. Оставайся дома. Поможешь мне гладить...

— Мама, прошу тебя, только не сегодня! — просительно сказала Дорис, пытаясь задобрить мать. — Мне надо переодеться и уйти...

— Куда?

— Я обещала Сью.

Миссис Даттон помолчала — пусть это молчание подчеркнет ложь Дорис.

— Слышишь, что она говорит? — Она смотрела на дочь с каким-то горестным торжеством. — Ты обманываешь нас. Я знаю, что ты собираешься не к Сью.

Дорис покраснела, но не растерялась:

— Как ты смеешь следить за мной?

— А как ты смеешь обманывать?

Губы Дорис задрожали, и она посмотрела на отца, но он испугался взгляда жены.

— Твоя мать хочет тебе лишь добра... — пробормотал он. — И почему ты нам ничего не сказала? — Он пытался внести примирение в семью: — Ты ведь не можешь утверждать, что мы строго обращаемся с тобой?

Дорис заносчиво вскинула голову:

— Я, кажется, имею право на личную жизнь? Мне надоело такое существование.

— Но ты только что говорила мне, что счастлива...— сказал Даттон в замешательстве.

Она прищурила глаза, поджала губы и вспылила:

— Ну, так вот что! Я несчастлива. Мне скучно. Вот! И порой мне кажется, что я схожу с ума!

— Молодость всегда преувеличивает... — начал он, но его попытка перевести конфликт в плоскость общих рассуждений была тотчас же пресечена женой:

— Выходит, ты должна нам лгать?

— Да! — сказала Дорис, овладев собой. — Вы ничего не хотите понять.

— Я понимаю одно: ты ведешь себя плохо и стыдишься этого.

— Нет. Мне надоело объяснять вещи, которые вы не умеете или не хотите понять. Это невозможно! Вы изводите меня! — Она заговорила резким тоном: — И вообще наплевать мне! Наплевать на все, что может случиться! Я не хочу дальше так жить!

— Что ты, что ты, Дорис! — лепетал Даттон.

— Хорошо, отец,— сказала Дорис: она не хотела огорчать его.— Я не то хотела сказать, но мама выводит меня из себя.

— Оставайся дома! — сказала миссис Даттон.

— Нет, я пойду,— твердо произнесла Дорис.

— Хватит, прошу вас обеих...— Даттон совсем растерялся.— Так жить трудно. Неужели нельзя обойтись без дрязг в доме?

— Ты не в состоянии образумить даже собственную дочь! — крикнула жена.

— Я не верю, что она способна сделать дурное.

Он замолчал, видя, что его перестали слушать.

— Мне надоели вечные упреки. Никогда нельзя жить так, как хочется! — продолжала в бешенстве Дорис и потупила глаза, словно не решаясь встретиться взглядом с матерью.

— Мой друг, — сказал Даттон жене. — Прошу тебя, успокойся. Я уверен, что мы можем доверять нашей дочери. К чему преувеличивать?

— Ты с ней заодно! — воскликнула жена, но в это время что-то зашипело на плите, и она устремилась на кухню, бросив на ходу: — Отвечать будешь ты!

Наступило тягостное молчание. Даттон видел, что Дорис собирается уходить, и самым сильным его желанием было положить конец этому конфликту. Он произнес мягко:

— Все же ты могла бы обращаться вежливее с матерью.

— Ты не представляешь себе, как мне все это надоело.

— Быть может, и ей все это надоело? Ей никогда не удавалось устроить свою жизнь так, как хотелось бы. Я знаю, мы можем тебе верить. Но не огорчай мать.

Дорис хотела возразить ему, но сдержалась и пошла переодеваться. Даттон слышал, как она поднималась по лестнице. Он сел в кресло, закрыл глаза и принялся машинально барабанить пальцами по ручке кресла, потом стал рассеянно перелистывать иллюстрированный еженедельник. Он задержал свой взгляд на портрете Бертрана Рассела с его костлявым профилем. Неожиданно его заинтересовала одна фраза в тексте, и он перечитал ее. Да, Рассел действительно заявлял, что в случае войны гражданское население Англии будет стерто с лица земли, но для исхода войны это не имеет значения, так как

в целости сохранится американская авиация. Казалось невероятным, чтобы такие слова могли быть напечатаны черным по белому.

Кровь бросилась ему в голову, и он заставил себя еще раз пробежать интервью. Он был возмущен Расселом за то, что тот заговорил обо всем с такой грубой откровенностью, словно задался целью снабдить людей вроде Ламберта доказательствами... Ламберт часто заносил в свою записную книжку то или иное резкое заявление какого-нибудь американского политического деятеля, подтверждавшее обвинения, которые Ламберт выдвигал против руководителей Соединенных Штатов. Зачем они распространяются о таких вещах? И, помимо всего, ведь все это неправда. Неправда, потому что человечество должно совсем потерять разум, чтобы дойти до таких вещей. Нет, это немыслимо! Он скомкал журнал и швырнул его в сторону: вздор, болтовня желчного старикана!

Он опять заметил письмо сестры и наконец вскрыл его. Но тут послышался стук в наружную дверь, и Даттон отложил конверт. Насупив брови, он приподнялся с кресла. Из кухни ему что-то крикнула жена, а из ванной донесся неясный, приглушенный возглас Дорис. Даттон встал, но все еще не решался отпереть дверь. Постучали вторично, из кухни вышла жена:

— Это ее сержант. Ступай, открой ему... — Но он все еще стоял в нерешительности. — Да ступай же, впусти его! Если ты не пойдешь, я никогда тебе этого не забуду.

— Но откуда ты знаешь, что это он?

Она гневно размахивала руками:

— Ты боишься, ты трус и всегда находишь отговорки, чтобы не делать того, что надо. Если ты и сейчас станешь увиливать, я уйду отсюда... уйду!

— Какие глупости!

В дверь постучали в третий раз, уже нетерпеливо, а Дорис опять крикнула что-то из ванной. Жена подтолкнула Даттона:

— Ступай, хоть раз в жизни будь мужчиной!

Даттон помрачнел от гнева. Если бы он мог, он побил бы жену. Он отстранился от нее, затем, исполненный достоинства, пошел к двери и открыл ее.

Перед ним стоял молодой рослый сержант.

— Мистер Даттон? — учтиво спросил он. — Прошу извинения, что обеспокоил вас... но... мисс Даттон дома?

— Входите, входите! — сказал с натянутой любезностью Даттон. — Мы хотели бы познакомиться с вами.

— Правда? — спросил сержант. — И я не потревожил вас?

— Ничуть... — Даттон провел его по коридору в гостиную. — Садитесь, прошу вас. Дорис сейчас явится. Курите?

— Возьмите мою папиросу, — предложил сержант. — Мне хотелось бы вам сказать, как я ценю...

— Спасибо, я по вечерам всегда курю трубку.

Даттон предложил ему кресло.

Сержант кивком головы выразил свое удовлетворение.

«Красивый парень! — подумал Даттон.— Но почему все эти взрослые американцы кажутся такими ребячливыми?»

— Во всем здесь проявляется английский вкус, мистер Даттон, — произнес восхищенно сержант. — Мне кажется, что именно такими мы представляем себе англичан. — Он оглянулся вокруг.— Приятно быть в настоящем доме, мистер Даттон. Я не люблю ни лагерной жизни, ни кафе.

Он зажег спичку и поднес ее Даттону.

— Как вам живется в Англии? — спросил Даттон, не зная, о чем бы еще спросить. Он туго набивал трубку. Ему хотелось играть роль англичанина, наслаждающегося уютом своего старинного особняка.

— Мне тут нравится, — сказал сержант, — хотя дома, конечно, лучше. — Он принял серьезный вид. — Вам, конечно, известно, что некоторые наши парни ведут себя за границей не совсем похвально...

— На вашем месте, сержант, я не стал бы так выражаться, говоря об Англии.

Сержант покраснел:

— Извините. Я не хотел сказать, что Англия — заграница, вроде Франции или Италии. — Он сделал презрительный жест: — Эти грязные французы и итальяшки!.. Но, как я вам уже говорил...

Даттон прервал его:

— Я всегда сужу о людях по их достоинствам. Важен сам человек... Я, видите ли, не люблю обобщений...

— Я рад, что вы так думаете, мистер Даттон, — сказал сержант с оттенком удивления в голосе.— Это именно наша точка зрения на вещи.

Вошла миссис Даттон. Она придала своей походке как можно больше важности. Все следы ее недавнего пребывания на кухне исчезли. Сержант стремительно вскочил с места, и Даттон сделал жест рукой:

— Моя жена...

— Старший сержант Гарри Экстен, — произнес американец, внезапно сообразивший, что Даттон не знает или, быть может, забыл его имя. — Очень рад, миссис.

Миссис Даттон не обратила внимания на руку, которую ей протянул сержант.

— Мне очень приятно, что Дорис пригласила вас...

Тут сержант смутился:

— То есть, собственно говоря... ей предстояло поздно ночью идти... а в прошлом месяце сюда, в лагерь, прибыла рота негров... И я был обеспокоен...

— Никто не жалуется на их поведение,— сказал Даттон, делая ударение на слове «их».

Даттон уже собирался поговорить с гостем на тему о неграх, но тут вошла Дорис, успевшая переодеться. С затаенной неприязнью она посмотрела на родителей, потом обернулась в сторону сержанта и воскликнула с притворным удивлением:

— Хэлло, Гарри! Что случилось?

— Я сказал мистеру Даттону...

— ...И отлично, — перебила она его, — сказали и конец, повторять нечего...

Ее резкость он принял за поощрительную шутку, улыбнулся и обвел взглядом комнату:

— Приятно находиться в настоящем доме!

— В настоящем? — с иронией повторила она. — Ну, что же, оставайтесь здесь...

Сержант обернулся к миссис Даттон:

— Мне хотелось бы показать вам несколько фотографий моей матери, миссис Даттон. Вчера получил...

— Только не сейчас, — безапелляционно заявила Дорис и взяла его под руку: — Идемте, вы опоздаете. И я опоздаю. И мы оба опоздаем. — Она свысока смотрела на мать, как бы бросая ей вызов.

Смущенный оборотом дела, Даттон опять занялся письмом сестры. Он прочел его начальные строки.

— Ох, погодите!.. Минутку, Дорис... Это ужасно!..

— Что случилось? — спросила миссис Даттон. — Дорис, не уходи!

— Стою, как вкопанная... — сказала Дорис и надула губы. — Папа, в чем дело?

— Дик ранен...— Он сосредоточенно посмотрел на сержанта. — Мой племянник. В Корее.

— Я очень огорчен, — сказал сержант.

— Сильно ранен? — спросила Дорис, оставив руку своего сержанта. — Бедный Дик!

— А мы сидим здесь спокойно, точно ничего не случилось! — сказала миссис Даттон, свирепо глядя на Дорис и ее сержанта.

— Подробностей здесь нет, — сказал Даттон, стараясь разобрать плохой почерк сестры.

Дорис, нахмурившись, присела на пуф.

— Я очень, очень огорчен, — повторил сержант и, обратившись к Даттону, сказал: — С этими «гуками» мы рассчитаемся за все. Напалм слишком еще хорош для этого отродья. Они уже изведали, что такое ад, но это пустяки по сравнению с тем, что они еще получат.

— Я не думаю, что это даст нужный результат,— холодно сказал Даттон.

— Есть одно только решение — покончить с ними начисто! — твердо произнес сержант.— Я понимаю, вам тяжело. Но мы им отплатим. Погодите немного, мы угостим их парочкой

атомных бомб. Можете положиться на нас, мистер Даттон.

— Я думаю, вы не поняли меня.

— Понял. Я знаю, о чем вы думаете, и я хочу, чтобы вы знали, что эти грязные «гуки» должны быть сметены с лица земли, они и вся их раса.

— Хватит! — сказал Даттон, закрыв рукой глаза.

— Можете поверить мне, мистер Даттон! Мы знаем, что делаем, и будем делать то же самое, пока ни одного из этих мерзких красных не останется в живых. Напалм — пустяки в сравнении с тем, что мы им преподнесем, когда настанет время решительного удара.

— Я думаю, вам лучше уйти отсюда, — произнес Даттон сдавленным голосом.

Сержант посмотрел на него с изумлением. Ему казалось, что он ослышался.

— Я хотел сказать вам, мистер Даттон, что глубоко сочувствую вашему горю...

— Мы не нуждаемся в таком сочувствии,— сказал Даттон, и голос его стал чистым и сильным.— Нам надоело быть вашим авианосцем. Быть может, вам это неприятно, но я попрошу вас оставить этот дом... И Англию тоже...

— Папа! — робко произнесла Дорис, прикрыв лицо руками.

Сержант посмотрел на Даттона:

— Вы не отдаете себе отчета в том, что говорите...

— Я долгое время пытался не обращать внимания на то, что́ у вас там, в Соединенных Штатах, делают из таких молодых людей, как вы, — сказал Даттон, удивляясь тому, что ему доставляет удовольствие излагать перед сержантом свои взгляды.— Но этот путь ведет к самоубийству. Лично вас я ни в чем не обвиняю, но раз вы соглашаетесь быть орудием в руках безумцев и преступников, то может настать время, когда и с вами будут обращаться, как с преступником. Уходите, уезжайте к себе домой и оставайтесь там! Уезжайте с вашей дьявольской рекламой и вашим смертоносным оружием! Слышите?

— Вы не смеете так разговаривать со мной! — ответил, размахивая руками, сержант.— Дорис!

Она застонала, но не поднялась с места.

— Сиди! — произнес Даттон. — А вы, сержант, уходите из моего дома!

— Отлично,— сказал разъяренный сержант.— Я покидаю вашу жалкую трущобу, но если вы думаете, что мы собираемся оставить ваш остров, то ошибаетесь. Мы прибыли сюда для того, чтобы здесь остаться. А что касается красных, вроде вас, то увидите, с вами случится то же, что с этими корейцами.

Семья Даттон слышала, как он шел по передней и как за ним захлопнулась наружная дверь.

— Ну вот, — сказал Даттон, больше всех пораженный последствиями своего поступка. Он смотрел на жену и дочь с видом победителя.

— О папа! — простонала Дорис и заплакала.

— И что на тебя нашло? — спросила миссис Даттон, довольная тем, что не стало сержанта, но встревоженная поведением мужа, которого она перестала узнавать.

— Я и сам не помню, чтобы когда-нибудь так повышал голос, а? — И Даттон почувствовал неожиданный прилив сил, уверенность в себе, которую он впервые ощутил, когда стал возражать сержанту.— Так. Ну и что ж... Да, я выставил его за дверь и думаю, что хорошо поступил.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила жена. — И что ты собираешься делать?

Не отвечая ей, он снял телефонную трубку и набрал номер, между тем как его жена и дочь, ничего не понимая, наблюдали за ним. Он, казалось, впервые в своей жизни действовал так решительно и твердо.

— Алло... да... Вилл? Я звоню, чтобы сказать вам, что завтра подпишу ваше обращение, поэтому не забудьте захватить его с собой... Нет, я не хочу откладывать... да... да... Хорошо, до свиданья! — Он положил трубку и сказал жене: — Не пора ли нам сесть за ужин?

— О Джордж! — сказала она, и на лице ее отразилась тревога. — Ты ведь не станешь поступать так безрассудно! Прошу тебя. Ты останешься без службы!

— Я знаю, что делаю. Иного выхода нет. И, в конце концов, мне теперь все ясно. Вилл Ламберт прав. Мы оккупированная страна. Но ненадолго...

Над домом пронесся реактивный самолет, и Даттон, сжав кулак, погрозил ему вслед. А его жена и дочь продолжали с изумлением смотреть на него.

Перевел А. Маринский

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Сергей СМИРНОВ

Вот как просто поступают наши
Люди, о которых слышал я.
Дело было у Тахиа-Таша,
Где течет река Аму-Дарья.

Тихий час.
Пустыня бездыханна.
Небосвод прозрачен и высок.
Из-за близлежащего бархана
Вышло солнце и зажгло песок.

И, конечно, с долей удивленья
Посмотрело солнце сверху вниз:
Там стоял готовый к отправленью
Караван из вездеходов «ЗИС».

Посреди соратников-ученых
Встал начальник и сказал тогда:
—Я в далекий путь беру бочонок:
В нем аму-дарьинская вода.

Сел в кабину около шофера,
Вытер пот, блестевший у виска.
И пошли машины прямо в гору,
Прямо в море мертвого песка.

Двигались, пустыню будоража,
А воды не видели нигде.
Лишь вдали маячили миражи,
Вроде вечной грусти о воде;

Лишь песок струился,
сплошь да рядом
Под колеса медленно ползя,
И его ни пулей, ни снарядом
Задержать и пригвоздить нельзя.

Он летел в лицо колючим роем.
А начальник пламенно басил:
— Здесь мы гидростанцию
построим!—
И кружок на карту наносил.

— Тут плотина встанет
над песками! —
Говорил другой специалист.
А глаза внимательно искали
Хоть былинку,
Хоть зеленый лист.

Но, увы, их не было в помине!
Тут царил, горяч и бестолков,
Суховей — недобрый сын
пустыни —
В должности погонщика песков.

От его дыханья и накала
Не уйти,
Не скрыться никуда.
В зачехленных флягах иссякала
Питьевая теплая вода.

И не раз шофер довольно тонко
Намекал начальству:
— Ох, жара!
Есть резон — из вашего бочонка
Нацедить водицы с полведра.

А начальство отвечало басом,
И гремело эхо по рядам:
— Неприкосновенного запаса
Никому расходовать не дам!

Но взамен (откуда что берется!)
Посреди пустующей земли
Возникали редкие колодцы,—
Подъезжай
И жажду утоли!

И мелькал песчаный первопуток,
Весь в седом призмистом дыму.
Караван пятнадцать длинных суток
Шел на вездеходах по нему.

А когда раздался шум прибоя,
Засучил начальник рукава,
Поднял он бочонок над собою
И сказал веселые слова:

— Здравствуй, Каспий, старый
старичина!
Вот тебе от армии труда!
Из бочонка
Хлынула в пучину
Та аму-дарьинская вода.

Хлынула, сверкая и синея,
Сереброподобная струя.
И понятно было, что за нею
Движется река Аму-Дарья.

Вот она, размашисто и веско,
Пролилась на головы камней.
Вот уже глаза слепит от блеска —
Это солнце
Отразилось в ней!

ПЕВЦЫ И ПЕСНИ КАЗАХСТАНА

И. ВЕРШИНИНА

Фото И. Тункеля

Хотя еще не случалось в природе, чтобы море выгорало на солнце, тем не менее это огромное, безбрежное желтое пространство казалось морем, выцветшим от жара нестерпимо палящих лучей. Далеко впереди оно сливалось с горизонтом, позади подбегало к горам вздымающимися, как волны, холмами.

Всадник ехал, не выбирая дороги, но внимательно разглядывал степь. Бархан причудливой формы, след велосипедной шины, зеленеющая вдали полоска травы— все привлекало его внимание. Пристальный и вместе задумчивый взгляд его говорил о чем-то большом, очень значительном и важном, увиденном за всеми этими деталями. По временам старик улыбался, и рука его тянулась к черному футляру, привязанному к седлу. В футляре была домбра, неразлучная спутница акына Кенена Азербаева.

Сотни песен пропели они вместе — горькие жалобы лишенного детства сироты-батрачонка, и едкие сатирические куплеты на бая и его прихвостней, полные гнева строфы о тяжелой жизни угнетаемого, обездоленного казахского народа, и светлые, солнечные стихи послереволюционных лет.

Бедняки всегда приветливо встречали своего акына, с нетерпением ждали его новых песен.

Песни акынов заменяли до революции кочующему казахскому народу, среди которого только 1,5 процента было грамотных, и газету, и книгу, и ноты, и театр...

Разъезжая из аула в аул, с одного пастбища на другое, посещая ярмарки и базары, где собиралось множество людей, бороздя из конца в конец бескрайнюю ширь Казахской степи, акыны, сочетающие в одном лице поэта, композитора и певца, всегда и всюду умели подметить самое важное, интересное и в простой и остроумной форме под нехитрый аккомпанемент домбры рассказать об этом народу.

И как арыки за много километров от своего начала далеко катят воды, так и слушатели, услышав хорошую песню народного певца, подхватывали ее, и разносилась она все дальше и дальше, как эхо...

С песней рождается, с песней умирает человек.

Так говорил Абай — великий

Свою дипломную работу студентка историко-теоретического факультета Казахской консерватории коммунистка Галя Бисенова решила посвятить старейшему композитору и исполнительнице народной музыки Дине Нурпеисовой.

Впервые Галя услышала Нурпеисову на концерте в филармонии. На сцену, тяжело ступая, вышла пожилая женщина с домброй в руках. Взяв первые аккорды, исполнительница будто помолодела. Согнутая годами спина выпрямилась, руки, словно птицы, сильные и легкие, замелькали, забились вокруг домбры. Их движения были порой так быстры, что становились невидимыми. Казалось, степной ветер — то порывистый, то ласкающий — кружится в струнах домбры, звенит в них. И хотя свои музыкальные произведения домбристка не сопровождала словом, каждый образ их был понятен, будто говорила домбра, как в сказаньях, человечьим голосом.

Взволнованная ушла девушка с концерта и тогда же решила первую свою научную работу посвятить творчеству этого замечательного музыканта. Вскоре состоялась их встреча. И теперь, несмотря на преклонный возраст, Нурпеисова всегда находит время для бесед с молодым теоретиком, играет для нее, делится замыслами, рассказывает о своем учителе — прославленном домбристе Курмангазы.

Когда Дина увидела его впервые, ей было 9 лет, а Курмангазы — уже за 60. Бывший байский подпасок, в то время увенчанный народным признанием композитор, разъезжал по степи на коне с домброй у седла, сочиняя и исполняя свои задушевные мелодии. Курмангазы обратил внимание на талантливую и смелую девочку и, хотя женщине не полагалось играть на домбре, стал обучать ее своим приемам игры. Настал день, когда он сказал: «Если бы соединить мою правую руку с левой рукой Дины,— не было бы на свете лучшего домбриста».

Умирая, Курмангазы вручил любимой ученице свою домбру и завещал ей донести его искусство до следующего поколения.

казахский просветитель, поэт, композитор. В Казахстане эти слова знает каждый.

В этой необъятной республике песня слышится повсюду. Она встречает вас голосами репродукторов, когда поезд подходит к перрону, ее напевает казах, примостившись на спине верблюда. Перекликаются домбры на улицах аулов, звуки оркестров доносятся из окон клубов, театров, музыкальных школ.

Порой один и тот же мотив улавливаете вы в сложных созвучиях симфоний и в незатейливом мурлыканье всадника в степи, одну и ту же задушевную, простую мелодию слышите от старика-домбриста и со сцены академического театра.

Это народная песня.

Ее напевает мать, баюкая ребенка, и изучают студенты в стенах консерватории. Ее затягивает хор на Всесоюзном смотре самодеятельности и записывают экспедиции Академии наук. Народный певец очаровывает ею собравшихся на Международном фестивале, и, вдохновляемый народной музыкой, пишет симфонию композитор.

Казахскими мелодиями восхищался М. Горький, о них восторженно отзывался Ромэн Роллан. И трудно себе представить сейчас, что до революции в Казахстане не было музыкальной письменности и все напевы передавались лишь из уст в уста.

Историю музыки Казахстана написал сам народ, тщательно отобрав и сохранив все ему близкое и дорогое. Остальное он предал забвению. Забыты подобострастные, льстивые песни байских музыкантов, но вы услышите и сейчас патриотические, задушевные мелодии демократических композиторов, поэтов и акынов XIX—XX веков: Абая, Биржана, Курмангазы, Даулеткерея, Джамбула, Марии Егоровой, ныне здравствующих Дины Нурпеисовой, Кенена Азербаева и других.

После революции русские, а затем казахские исследователи бережно стали записывать, собирать и изучать богатейшую сокровищницу народной музыки. Сборники этнографов сохранили нам несколько тысяч песен и кюев (небольшая пьеса для домбры или кобыза), услышанных в народе; более 3 тысяч произведений за-

Произведения Дины Нурпеисовой и ее учителя занимают большое место в программе оркестра казахских народных инструментов имени Курмангазы. Кюем Нурпеисовой о великом Сталине неизменно открывает ансамбль все свои концерты.

Оркестр играет необыкновенно слаженно. Исполнение его поэтично и выразительно, и трудно даже подумать о том, что в казахском музыкальном искусстве ранее никогда не существовало ансамблевой игры. В первые годы организации коллектива его музыканты не знали нот и весь свой репертуар исполняли по слуху. Ныне все артисты ансамбля обладают законченным музыкальным образованием. Большинство составляют студенты и выпускники Алма-Атинской консерватории.

Выпускник консерватории, главный дирижер оркестра и его художественный руководитель — комсомолец Шамгон Кажгалиев. Под его руководством ансамбль исполняет мелодии современных национальных композиторов и акынов, произведения Глинки и Моцарта, Чайковского и Бетховена, Глазунова и Дворжака. Триста названий в репертуаре оркестра. Его концерты записываются на тонфильмы и грамофонные пластинки, транслируются по республиканскому и всесоюзному радиовещанию.

Широкое полотно асфальта обрамлено плотной стеной упирающихся как будто в самое небо тополей. Впереди, там, где улица сужается в перспективе, возвышается монументальное здание.

Это Государственный академический театр оперы и балета имени Абая, любовь и гордость казахов.

За 18 лет своего существования театр сумел завоевать зрителя. Начав с музыкально-драматических спектаклей, построенных на народных песнях, театр постепенно воспитывал своего слушателя, приучая его очень музыкальный слух, но испокон веков привыкший только к пению домбры да кобыза, к симфонической музыке, к оперной классике.

Сейчас в репертуаре театра наряду со спектаклями современных национальных композиторов большое место занимает классика.

Вырос за эти годы зритель, выросли и артисты. Теперь оперы русских и западных композиторов исполняют на русском языке, и это нисколько не затрудняет слушателей и актеров. Прежде в театре были две музыкальные труппы: русская и казахская. Они слились. И с одинаковым успехом поют русские артисты Э. Епонешникова, О. Симонова, Г. Яхимович казахские партии, а Куляш Байсеитова, Ш. Бейсекова, Б. Досымжанов, К. Кенжетаев, Е. Серкебаев, да и многие другие выступают в операх «Евгений Онегин» Чайковского, «Князь Игорь» Бородина, «Ромео и Джульетта» Гуно, «Руслан и Людмила» Глинки, «Семья Тараса» Кабалевского...

Силами объединенной труппы театр готовит сейчас новую постановку оперы композитора Е. Брусиловского «Дударай» — о дружбе русского и казахского народов.

Сюжет ее взят из жизни. На рубеже XX века в Акмолинской области жила семья русского рыбака Егорова. Дочь Егорова Мария полюбила казаха. О своей любви она сочинила песню на казахском языке, назвав в ней своего милого непереводимым казахским ласковым словом «дударай». Песню эту — простую, мелодичную, задушевную песню русской девушки — вскоре запел весь Казахстан. А лет десять тому назад правительство присвоило колхозной доярке Марии Егоровой, автору популярнейшей в республике песни, звание заслуженного деятеля искусств Казахстана.

В 1948 году коллектив театра поставил оперу композитора М. Тулебаева «Биржан и Сара». Постановщику спектакля, главному режиссеру театра К. Джандарбекову, народным артистам Куляш Байсеитовой и А. Умбетбаеву (см. фото) и молодым исполнителям Ш. Бейсековой и Б. Досымжанову присуждены Сталинские премии.

писали экспедиции республиканской Академии наук.

Глубиной образов, непосредственностью, поэтичностью пленяют эти разнообразные по содержанию и форме мелодии — то скорбные, заунывные и грустные, то широкие, раздольные...

От Сибири до Каспия лежит земля казахского народа, и всюду поют «песню Татьяны» — смелой девушки, которая, не боясь осуждения, первая сказала любимому о своем чувстве. Задушевность мелодии, страстность и искренность признания, чистота и благородство девушки так полюбились слушателям, что песня стала одной из самых популярных в степи.

Когда в отдаленные аулы докатился слух, что в столице республики, в Академическом оперном театре, актеры показывают музыкальный спектакль о Татьяне, даже старики пожелали поехать в Алма-Ату,— их давно смущали упорные разговоры молодежи о том, что Татьяна вовсе не казашка, а русская девушка и что песня эта не народная казахская, а перевод отрывка из романа великого русского писателя Пушкина «Евгений Онегин».

Большой знаток и ценитель русской культуры, Абай Кунанбаев перевел в конце XIX века «письмо Татьяны» и сочинил к нему музыку.

Так родилась в Казахстане «песня Татьяны», так вошли в сокровищницу казахских народных песен и другие напевы, созданные Абаем на его же переводы стихов Лермонтова, басен Крылова, ставших здесь песнями.

«Изучай культуру и искусство русских,— писал Абай.— Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче».

В 1936 году, в дни декады казахского искусства в Москве, прозвучали по всей стране имена казахского акына, прославленного Джамбула, стихи которого изучают сейчас в школах Советского Союза, и «казахского соловья» — молодой тогда певицы Куляш Байсеитовой, и других талантливых артистов.

Когда впервые лучшим советским актерам присуждены были звания народных артистов Союза ССР, в газетах рядом с портретами Станиславского, Немировича-Данченко, Качалова, Москвина мы увидели улыбающееся лицо актрисы-казашки Куляш Байсеитовой.

Казахских молодых певцов и музыкантов мы встречаем среди лауреатов всесоюзных и международных конкурсов.

Песни Абая поет казахский певец в Китае и Польше вместе с русскими мелодиями, романсами Грига и Массне. Пьесы Курмангазы и Шумана играют маленькие казашки на рояле в музыкальных школах. На конкурсе в Берлине девушка-казашка исполняет на кобызе ноктюрн Чайковского...

Вот почему народный акын Кенен Азербаев спешит по степи. Он везет новую песню. И песня эта называется «Мир народам».

В новом зимнем сезоне

Чемпионка мира Лидия Селихова (слева) и София Кондакова тренируются на свердловском катке «Динамо».

Иван **АНИКАНОВ**,
заслуженный мастер спорта

Фото И. Тюфякова и Л. Вяжлинского

Обычно на исходе зимнего сезона конькобежцы ждут последних состязаний, чтобы можно было наконец спрятать коньки до следующей зимы.

Но, странное дело, проходит неделя, другая — и скороходы с грустью смотрят, как темнеет еще недавно блестевшая ледяная дорожка, как оседают снежные валы, окаймлявшие каток. И тогда становится грустно, что уже нельзя пробежаться по катку, пробежаться так, чтобы дух захватило.

Ждать же следующего сезона приходится долго, не меньше восьми месяцев. Но конькобежцы не сидят сложа руки. Они летом активно готовятся к зиме.

В недавнем прошлом тренировка в течение круглого года понималась несколько своеобразно. Летом конькобежцы, как правило, выступали в велосипедных гонках,— другими словами, конькобежец становился «совместителем».

При современном высоком уровне спортивного мастерства «совместительство» ни к чему хорошему не приводит.

Все мы радовались первым несомненным успехам, достигнутым молодым конькобежцем Евгением Гришиным. От него можно было ждать выдающихся результатов в многоборье. К сожалению, этого не произошло. Гришин, вместо того чтобы заняться планомерной подготовкой, устранить ошибки в технике бега на коньках, переключился на подготовку, необходимую велосипедисту. Не добившись поставленной цели на треке, Гришин с большим опозданием взялся за тренировку на льду. Тут нужно оговориться: известно, что велосипед — одно из действенных средств в тренировке конькобежцев. Но это ничего общего не имеет с подготовкой к крупнейшим велосипедным гонкам.

Ныне у нас «совместители» не в почете.

Теперь каждый скороход готовится по-своему, по своим индивидуальным планам.

Применяются различные средства для развития таких качеств, как сила, выносливость, быстрота. Конькобежцы занимаются легкой атлетикой, велосипедным и гребным спортом, играют в волейбол, теннис, баскетбол. Все эти виды спорта используются как вспомогательные средства.

Прошлым летом Лидия Селихова ездила на велосипеде, Римма Жукова играла в теннис, Юрий Сергеев часто брался за весла, Валентин Приставкин увлекался фехтованием, Борис Шилков бегал

на короткие дистанции, Нина Авдонина играла в баскетбол.

Трудновато пришлось летом абсолютному чемпиону СССР Владимиру Сахарову. Он сдавал государственные экзамены в Горьковском медицинском институте. Сейчас Сахаров работает хирургом. Часы досуга он отдает, как и прежде, подготовке к выступлениям на ледяной дорожке.

Осенью все занимаются по единой программе: бег и ходьба по пересеченной местности, прыжки, поднимание штанги, специальные упражнения.

Эта система подготовки к соревнованию позволила нашим конькобежцам, особенно мужчинам, добиться некоторых достижений. Поэтому неправильно полагать, что только открытие высокогорного катка близ Алма-Аты дало возможность нашим мастерам показать высокие результаты. В Свердловске и в Горьком были также достигнуты первоклассные итоги.

После долгого перерыва на лед вышел Анатолий Павлов.

* * *

Не знаю, как будет дальше, но пока погода благоприятствует конькобежцам. Уже в первых числах ноября скороходы Сибири и Урала смогли выйти на лед. В середине ноября их примеру последовали москвичи. В Сокольниках, на стадионе «Спартак», был залит каток. Пришло время совершенствования техники бега на коньках, подготовки к состязаниям.

Наступающий зимний сезон сулит много интересного. В прошлом году ряды советских конькобежцев пополнились новыми сильными спортсменами. Тамара Рылова (Вологда), судя по ее первым тренировкам, можно с уверенностью сказать, заставит изрядно поволноваться наших признанных чемпионок. Обретают спортивную форму и другие молодые спортсменки, Людмила Тарасова и Халида Щегелеева.

После продолжительного перерыва снова вышли на лед Софья Кондакова и Зинаида Воробьева (Кротова). Не собирается сдавать завоеванных позиций и чемпионка мира Лидия Селихова. Полна решимости продолжить наступление на рекорды абсолютная чемпионка страны Римма Жукова.

Если еще три — четыре года назад можно было почти безошибочно назвать имена победителей крупнейших состязаний, то сейчас вряд ли кто возьмется за составление такого рода прогнозов.

В прошлом сезоне звание абсолютного чемпиона СССР завоевал Владимир Сахаров; лучшего личного результата в командных соревнованиях на первенство страны добился Борис Шилков; приз Совета министров Казахской ССР выиграл Юрий Головченко; традиционный приз имени Кирова — Валентин Приставкин; в матче конькобежцев сильнейших добровольных обществ первое место занял Николай Мамонов. Каждое состязание давало нового победителя.

Рекордсмены мира в беге на 500 и 1 000 метров Юрий Сергеев и в беге на 1 500 метров Валентин Чайкин летом и осенью тренировались с таким расчетом, чтобы намного улучшить свой результат по сумме очков многоборья.

Ветеранам В. Прошину, Г. Пискунову, конькобежцам среднего поколения Ю. Головченко, Н. Мамонову, П. Беляеву придется приложить все свое умение, весь опыт, чтобы противостоять бурному натиску молодежи: Б. Шилкова, В. Лисунова, В. Приставкина, Б. Кочина, Д. Сакуненко.

Из-за болезни в минувшем сезоне не выступал замечательный мастер ленинградец Анатолий Павлов, абсолютный чемпион Советского Союза 1951 года. Летом Павлов стремился к тому, чтобы встретить зиму хорошо подготовленным.

Сейчас он тренируется на льду, и его выступления вызывают законный интерес у любителей конькобежного спорта.

Первым крупным состязанием нового зимнего сезона будет традиционная встреча конькобежцев пяти городов: Ленинграда, Горького, Москвы, Кирова и Омска. Состязания состоятся в конце декабря в городе Горьком. В январе на высокогорном катке близ Алма-Аты предстоят соревнования на личное первенство СССР, в марте в Кирове будут проведены соревнования на командное первенство СССР и розыгрыш приза имени Кирова.

С 1 января 1953 года вступает в силу новая, единая всесоюзная спортивная классификация. Это — большое событие в жизни конькобежцев нашей страны. К спортсменам предъявляются новые, повышенные требования. Теперь все внимание каждый скороход должен сосредоточить на том, чтобы в одинаковой степени преуспевать как в беге на короткие, так и на длинные дистанции. У нас должны быть первоклассные мастера-многоборцы.

Мы порой слишком много опекаем опытных мастеров, слишком много с ними нянчимся. И бывает так, что на старт выходит не сильный духом спортсмен, который в состоянии сам в ходе борьбы построить свой бег, проявить свое превосходство над противником, а этакий маменькин сынок, растерявшийся в новой для него обстановке. Наши тренеры должны готовить настоящих спортивных бойцов, умеющих постоять за честь коллектива, за себя, вне зависимости от того, как складывается ход состязания, вне зависимости от погоды, качества льда. Поэтому и тренировка должна проходить на любом льду. Нужно готовиться так, чтобы никакие причины не могли влиять на состояние спортсмена во время состязаний.

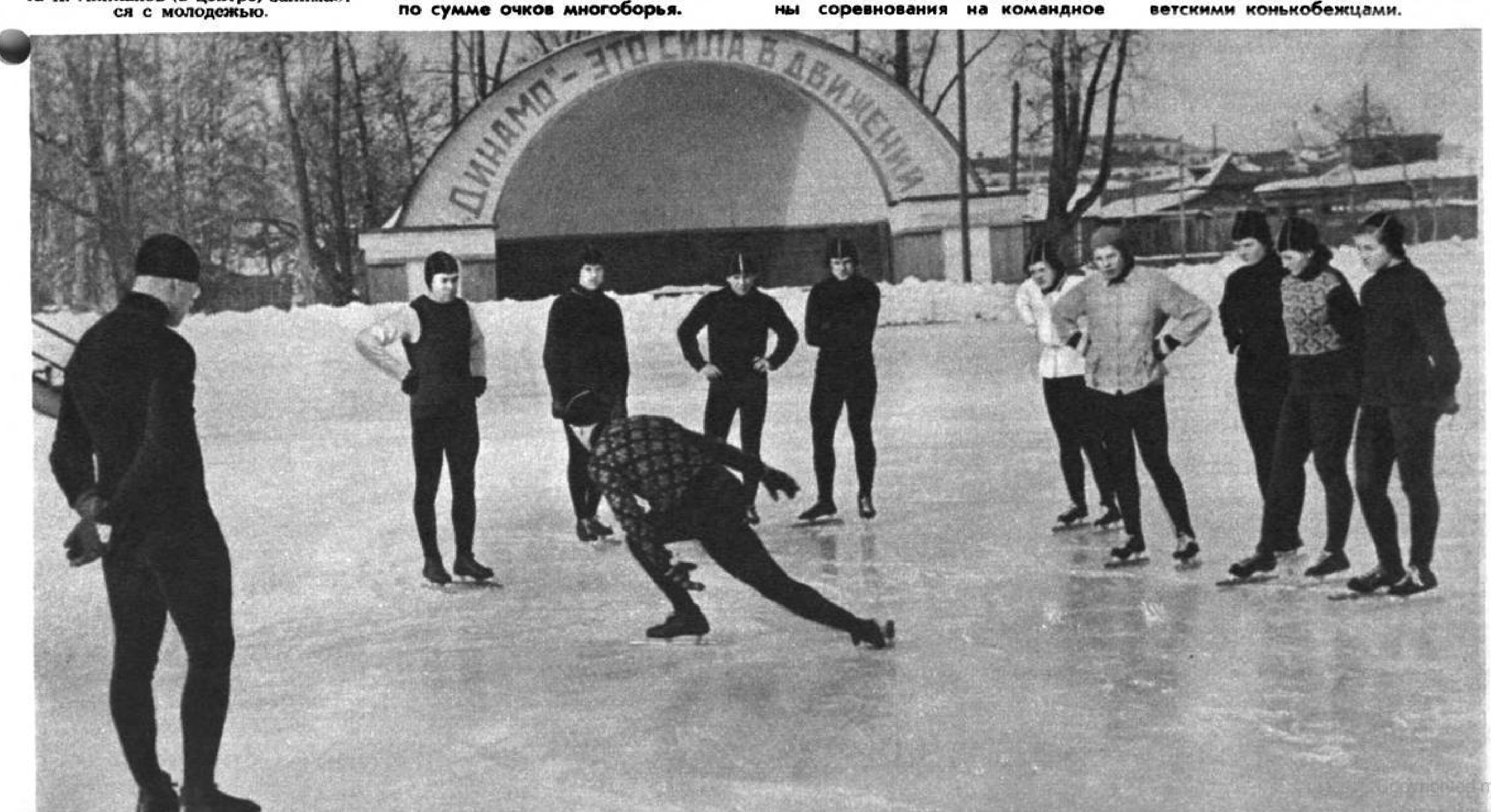
Каждый день катки заполняет жизнерадостная молодежь. Настойчиво тренируется армия советских конькобежцев. Они учатся искусству быстрого бега у известных мастеров, которые пользуются в Советском Союзе признанием и любовью.

Иные вести приходят из-за рубежа. Выдающийся норвежский конькобежец чемпион мира и победитель зимних олимпийских игр 29-летний Я. Андерсен заявил, что он покидает ледяную дорожку.

Об этом много пишут норвежские газеты. Против Андерсена подняли целую кампанию. Его обвиняют в профессионализме на том основании, что он выпустил две книги и выступил с лекциями об опыте своей тренировки.

Андерсен сказал, что он очень сожалеет, что ему не довелось побывать в СССР и встретиться с советскими конькобежцами.

В Свердловске проходят тренировки мастеров конькобежного спорта. На снимке: заслуженный мастер спорта И. Аниканов (в центре) занимается с молодежью.

Буран и Тузик

Служительница зоопарка тетя Поля торопилась на работу и не заметила, что за ней увязался из дома рыжий щенок Тузик. В парке он обогнал хозяйку и, болтая ушами и жиденьким хвостом, помчался к стайке воробьев.

Отругав щенка, тетя Поля закрыла его в чуланчике с садовым инструментом, а сама принялась за работу.

Барс по кличке Буран лежал в дальнем углу клетки. Им недаром подолгу любовались посетители. Светло-серый, густо покрытый коричневыми пятнами в форме колец дыма, барс походил на каменную глыбу, запорошенную снегом.

Много хлопот доставлял Буран. Он плохо ел; густая шерсть не скрывала проступавших под ней ребер. Напрасно подкладывали ему лучшие куски мяса, давали молоко и сырые яйца. Угощенье приходилось убирать почти не тронутым. О врачебной помощи не могло быть и речи. Пойманный в горах Алтая лишь месяц назад, зверь был дик и до крайности озлоблен.

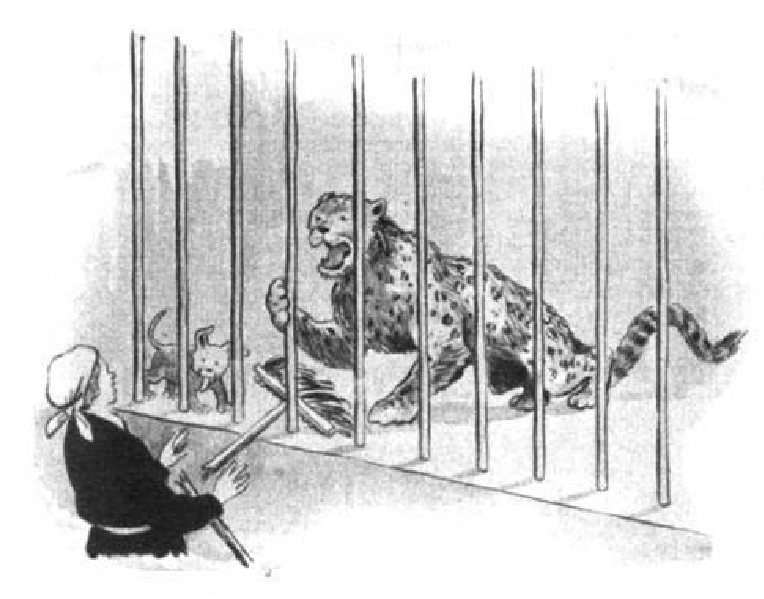
Взяв швабру, тетя Поля вымыла клетку Бурана и подсунула ему противень со

Буран в величественной позе лежал на своем обычном месте. А в противоположном углу сидел целый и невредимый Тузик. Насторожив уши и наклонив голову набок, он с ребячьим любопытством смотрел на грозного зверя. От Тузика трудно было ждать благоразумия, и он неоднократно вскакивал, порываясь подбежать к Бурану. Наконец щенок тявкнул раз — другой и подвинулся к барсу поближе. Зверь и глазом не моргнул. Щенок тявкнул еще раз и опять подвинулся. Все то же. Тогда осмелевший Тузик подскочил к самому носу Бурана и залился пронзительным щенячьим лаем.

Затаив дыхание, собравшиеся ждали, что будет дальше. Буран долго терпел. Вдруг он поднял лапу и прикрыл ею щенка. Кто-то громко ахнул. Тузик сразу замолк. Из-под лапы барса прутиком торчал лишь его тоненький хвостик.

— Конец...

Но сказавший это ошибся. Прутик начал усиленно крутиться: щенок, пятясь задом, выбирался на свободу. И он выбрался, весь взлохмаченный, но живой и невредимый. Уж, кажется, теперь-то

свежим молоком. Барс уже не бросался, как прежде, на стенки и не грыз железо. Он был настолько слаб, что лишь прижимал уши, морщил нос да угрожающе рычал.

— Ну, будет тебе, Буран, будет сердиться. Поел бы лучше, глупый,— говорила тетя Поля. Она всегда разговаривала со своими воспитанниками.

Барс как будто понял, перестал рычать и устремил взгляд куда-то мимо тети Поли. Тут ей под ноги подкатился рыжий комок. Это был удравший из чулана Тузик. Не успела служительница руками всплеснуть, как щенок вспрыгнул на помост, подлез под железную перекладину решетки и очутился в клетке барса.

— Тузик, Тузик! — звала тетя Поля.— Иди сюда...

Но Тузик, довольно повиливая хвостиком, уже лакал молоко из посуды Бурана. Тогда тетя Поля схватила швабру и, зацепив ею щенка, стала тащить его из клетки. Как в вихре, перед ней мелькнула пестрая шкура барса. Буран метнулся из своего угла — откуда только сила взялась! Переломанная швабра вылетела из рук служительницы...

В тревоге к клетке Бурана сбегались сотрудники зоопарка. Неподалеку готовили пожарный шланг, чтобы струей холодной воды успокоить рассвирепевшего хищника. Но того, что увидели собравшиеся, никто не ожидал.

ему пора бы было понять, что с барсом шутки плохие. Не тут-то было: Тузик решил, что с ним играют. Встряхнувшись, он подпрыгнул и цапнул барса за ухо, потом, забежав сзади, дернул его за хвост и даже попытался вскочить зверю на шею. Барс снова положил на щенка лапу, осторожно подвинул его в сторону и отвернулся.

Убрать щенка из клетки никак не удавалось. Как только Тузика подманивали к решетке, Буран начинал беснoваться и приходил в такую ярость, что все отступали. Так и разошлись ни с чем.

С этого дня Буран стал лучше есть и начал поправляться. Аппетит Тузика как будто передался и ему. Это решило судьбу щенка, которого оставили с барсом. Тузик быстро освоился в новой обстановке и чувствует себя не гостем, а хозяином в клетке.

С Бураном Тузик обращается безо всякой почтительности: лает на него, отнимает мясо (ему все кажется, что у Бурана куски вкуснее), а при случае даже... спит на барсе, как на мягком диване. И свирепый Буран все это покорно переносит. Внешне он попрежнему не проявляет интереса к щенку. Но стоит кому-нибудь подойти к барьеру и окликнуть собачонку по имени, как барс сейчас же оскалит зубы и зарычит. Не тронь!..

Н. СЕРПОВСКИЙ

Новосибирск.

Арифметическая линейка

...Много часов шел бой. Часть успешно продвигалась. Майор Л. Л. Иерихонов видел, как на левом фланге фашисты в панике бежали. Вдруг раздался взрыв...

Офицер пришел в себя только через два месяца в госпитале. Когда больной стал поправляться, оказалось, что контузия очень сильно отразилась на его памяти. Медицинская комиссия в своем решении записала: майор Иерихонов — инвалид.

Еще в госпитале он делал попытки вернуться к гражданской деятельности — литературной,— но неудачно. Чтобы восстановить память, он стал заниматься математикой.

Иерихонов производил сложные расчеты и все более убеждался: нужен какой-то прибор, который облегчил бы и ускорил расчеты. Логарифмическая линейка не удовлетворяла его: она сложна в употреблении.

Потянулись долгие дни поисков. Более сотни вариантов перепробовал Иерихонов и наконец создал счетную линейку — простую в употреблении, обеспечивающую точность вычислений.

Как устроена эта линейка? В ее верхней части идут числа, расположенные по порядку: на одной стороне — с 2 до 50, на второй — с 51 до 100. Под ними идет строка цифр, все время возрастающих на двойку: 4, 6, 8 и т. д. до 200. Еще ниже — строки чисел, последовательно увеличивающихся на 3, 4, 5 и т. д. до 1 000. По линейке скользит движок с двумя столбиками цифр: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. С помощью такой линейки можно легко и быстро умножать и делить многозначные числа и десятичные дроби. Пользоваться ею может каждый знающий четыре правила арифметики.

Изобретатель пришел к ученым и показал им свою линейку. Мнение их было единодушным: линейка весьма проста по идее, позволяет быстро и точно производить расчеты. Академик М. В. Келдыш в своем отзыве написал, что арифметической счетной линейкой Л. Л. Иерихонова целесообразно пользоваться в особенности тогда, когда требуется произвести точное умножение и деление чисел, что при бухгалтерских и статистических расчетах в сочетании со счетами — она может заменить арифмометр, а в вычислительных расчетах — таблицы пропорциональности.

Получив такую высокую оценку своей работы, изобретатель обратился к производственникам. И вот теперь линейку изготовляют во многих городах. Линейкой заинтересовались миллионы людей.

Чей труд облегчил изобретатель? Экскаваторщику линейка нужна для подсчета кубатуры вынутой земли, школьнику — для проверки правильности решения задачи, бухгалтеру — при финансовых расчетах, колхозному бригадиру — для подсчета площади обработанной земли, механику — для расчета зубьев шестерни станка. Линейка нужна лесорубу, токарю, статистику, бетонщику, таксировщику, артиллеристу, учащемуся ремесленной школы, инженеру, мастеру и многим, многим другим.

Лишенный возможности заниматься делом, которому он посвятил десятки лет жизни, Л. Л. Иерихонов все же нашел свое место в рядах советских тружеников. Сейчас он работает над созданием других приборов, облегчающих расчеты.

Я. КИСЕЛЕВ

Опасный подводный спорт

В тропических водах Тихого океана, в лагунах с коралловыми рифами, окружающих Гавайские и другие полинезийские острова, распространен интересный спорт: рыбу бьют стрелами под водой, ныряя для этого на глубину в 6—8 метров.

Снаряжение рыболова несложно. «Плавники», прикрепленные к ногам, увеличивают быстроту и маневренность пловца, застекленная спереди маска позволяет видеть под водой. Двухметровый стальной трос, переходящий на конце в стрелу, и резиновая праща для метания стрелы дают возможность убить высмотренную добычу.

Охота сопряжена с немалым риском. Опасность встречи с зубастой акулой общеизвестна. Скаты своим хвостом, снабженным острым костным шипом, могут наносить серьезные раны.

Не менее опасны для рыболова гигантские морские угри—мурены. Их змеевидное тело иногда достигает трех метров в длину и толщиной бывает в бедро человека. Ярко расцвеченное по бурому фону беловатыми и желтоватыми пятнами, оно лишено чешуи и заканчивается головой с огромной пастью, усаженной длинными, трех—четырехсантиметровыми острыми зубами.

Мурены живут на дне моря, прячась в щелях между камнями. Это злые хищники. Потревоженные, они всегда переходят в нападение, пуская в ход зубы.

Вот как описывает один очевидец встречу с муреной.

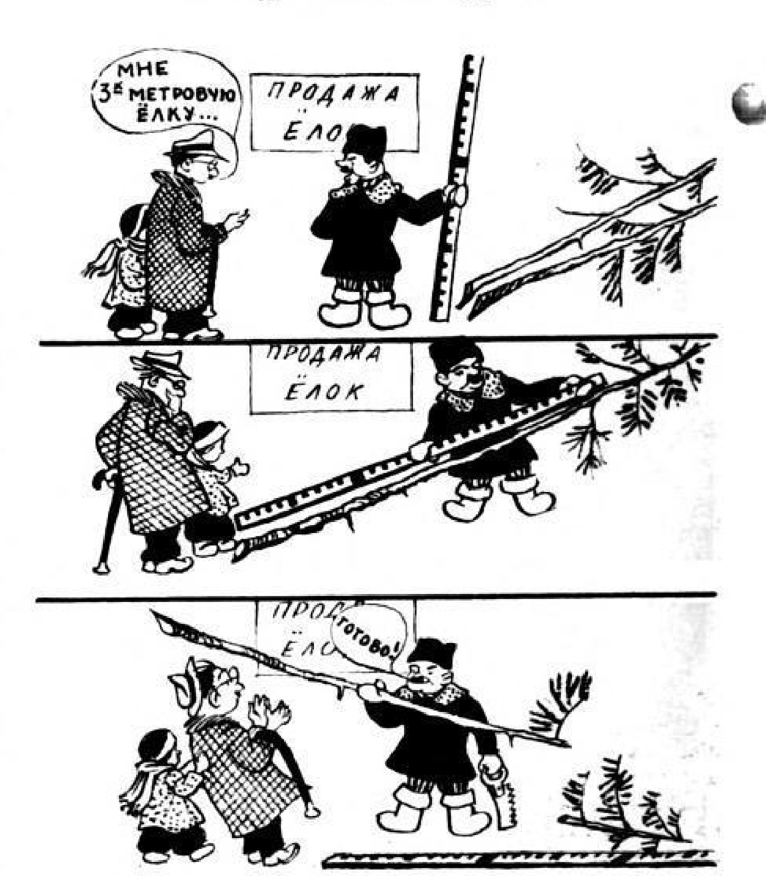
Нырнувший смельчак увидел спрятавшуюся между камнями мурену. Стрела, метко выпущенная им, пробила ей голову. Рыба казалась мертвой. Но когда добытчик вытянул ее на поверхность, мурена зашевелилась и двинулась прямо на него. Несмотря на то, что рыболов был прекрасным пловцом, мурена быстро его догоняла, и вскоре он почувствовал, как ее извивающееся мускулистое тело коснулось сначала пальцев его ноги, затем бедра и бока. Голова мурены была почти на уровне лица пловца, в то время как хвост извивался позади его ног...

Вдруг мурена высоко поднялась над водой и кинулась вниз так, как это делают змеи. Ее раскрытая страшная пасть угрожала голове плывущего, но в последний момент он поднял руку, чтобы защитить лицо, и удар пришелся по локтю.

Локоть был зажат и раздавлен в пасти мурены, как под прессом. Когда рыболов был спасен, понадобилось два с половиной часа, чтобы зашить раны, нанесенные ему муреной, и три месяца лечить руку, чтобы восстановить ее работоспособность. Большие, глубокие рубцы остались на руке навсегда.

Н. СУШКИНА,
доктор биологических наук

ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

Изошутка Ю. Черепанова

Находка на Литейном проспекте

Во время прокладки газовой магистрали по Литейному проспекту в Ленинграде на глубине нескольких метров были обнаружены трубы старинного деревянного водопровода.

В петровском Петербурге для снабжения фонтанов Летнего сада в 1718 году началось строительство Лиговского канала — от реки в селе Лигове к бассейнам на Бассейной улице (ныне улица Некрасова). Отсюда вода по трубам подавалась в Летний сад. Для подъема воды у Летнего сада на реке Безымянный Ерик (получившей от фонтанов Летнего сада название реки Фонтанки) были устроены три водонапорные башни. Первый в Петербурге водопровод начал действовать в 1725 году. Деревянные водопроводные трубы применялись в Петербурге вплоть до середины XIX века, когда началось сооружение современного водопровода.

Трубы старинного петербургского водопровода прекрасно сохранились. Они сделаны из сосновых стволов. Наружный диаметр их — 35 сантиметров, внутренний — 11 сантиметров; отверстия труб высверлены, затем выжжены. В местах соединений суженная часть одной трубы входит в широкую часть другой. Для прочности в местах стыка трубы скреплены железными обручами.

Находка на Литейном проспекте свидетельствует о большом мастерстве строителей первых русских водопроводных систем.

Найденные трубы переданы в Музей архитектуры Ленинграда.

Р. СОМИНА,
старший научный сотрудник Музея архитектуры Ленинграда

Зимнее

Первый снег, первый снег
у ворот.
Не колышется провод
лохматый...
В белый-белый зашла огород
В белой шубке отцовская хата.

И еще веселее эмаль
Подсинила наличники снизу,
И лежит вологодская шаль
Над высокою бровью карниза.

Будто справилась в лыжный
поход
В серебристой пороше
Снегурка,
Будто сердце под пухом поет,
А не звонкая печь-балагурка.

Я добром нагружу дровяным
В эти дни грузовые машины
И раздам перелескам седым
Согревающий запах овчины.

Я подъеду к речному катку
Заодно с ребятней посмеяться,
Как пристроится солнце к
дымку
За трубою в мороз
отдышаться...

А сегодня в саду, под горой,
Знаю, пес мой обнюхал заносы:
Не залег ли русак матерой
В желобах водяного насоса!

И косой по задворкам села
Растерял второпях рукавички,
И теперь их надела ветла,
И в меху зазвенели синички...

Я скажу тебе светлую быль,
Если ты не прошлась по
морозу,
Что горит самоцветный ковыль
На просторах родного колхоза.

И что самый хороший народ
Обновил первопуток мохнатый,
И я жду тебя здесь, у ворот,
Разгребая сугробы лопатой.

Николай ТРЯПКИН

Сотрудники музея измеряют деревянные трубы водопровода, найденные во время реконструкции подземного хозяйства на Литейном проспекте в Ленинграде.

Кладовая народных песен

На окнах приспущены шторы. Вдоль стен — шкафы с широкими остекленными дверками, тут же старинная фисгармония. На тумбочках магнитофоны «Днепр», похожие на радиоприемники, и фонографы с трубами, как у граммофонов. Из соседней комнаты доносится задушевный напев:

Пятый год всего, как
прошла война,
А уж в полный цвет
зацвела страна!

Вслушиваясь в передаваемые магнитной лентой мотив и слова народного сказа, композитор делает заметки на нотном листе. Отложив запись, он просит повторить ранее прослушанную песню о лесонасаждении. Из шкафа достается моточек ленты, и «Днепр» снова передает:

Кто же этот лес зеленый
заложил,
Кто же этот лес посадил?
Ай-ли, ай да-люли, кто же
этот лес посадил?
Этот лес великий Сталин
заложил,
Лес дубовый сам народ
посадил.

Затихает «Днепр», и по комнате плывут протяжные звуки фисгармонии.

Научный сотрудник вставляет в фонограф небольшой восковой валик, и в комнате слышится женский голос:

Здравствуй, Сталин-
батюшка,
В каменной Москве —
От Печоры-матушки
Кланяюсь тебе.

Эта песня, записанная в прошлом году в исполнении знаменитой сказительницы печорской колхозницы Маремьяны Романовны Голубковой, звучит так, будто сама исполнительница присутствует в комнате.

Мы в фонограмм-архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Таких восковых валиков и магнитных лент здесь несколько тысяч. Самая ранняя фонозапись народно-поэтического песенного творчества относится к 1897 году. Здесь хранятся коллекция дореволюционных фонозаписей русских крестьянских песен известной собирательницы Е. Э. Линевой, насчитывающая шестьсот валиков, коллекции песен, записанных М. Е. Пятницким, А. В. Анохиным, В. Н. Всеволодским.

Фонограмм-архив — своеобразная кладовая народных песен — возник в тридцатых годах. На Васильевском острове, в Ленинграде, где находится этот архив, можно услышать песни на восьмидесяти языках народов СССР.

За сравнительно короткий срок создана замечательная сокровищница музыкального фольклора, насчитывающая свыше двадцати тысяч песен. Специальные экспедиции фольклористов побывали во многих краях и республиках нашей Родины. Они записали лирические, историко-революционные, игровые, хороводные, эпические, свадебные и другие напевы. Широко представлено творчество таких выдающихся русских сказителей, как М. С. Крюкова, М. Д. Кривополенова, М. Р. Голубкова, А. М. Пашкова, Я. Е. Гольчиков, М. Г. Антонов, П. И. Рябинин — четвертый представитель знаменитого рода сказителей Рябининых.

В народных песнях и мелодиях советских лет воспевается радостная, счастливая жизнь, славятся великая партия коммунистов, гениальные вожди трудящихся, созидатели Советского государства В. И. Ленин, И. В. Сталин, братская дружба народов, Сталинская Конституция, сталинский план преобразования природы, стройки коммунизма.

К. ЧЕРЕВКОВ

МОДЫ

ЗИМНИЕ ПАЛЬТО

Модели Общесоюзного Дома моделей

1. Пальто из легкого драпа или фуле. Рукава цельнокроенные с полочками и спинкой, с широкими меховыми манжетами. По талии заложены мягкие складки. Меховой воротник (полоса меха, расширяющаяся к концам) можно носить в разных вариантах.

Автор модели — Д. Колесникова.

2. Двубортное пальто спортивного типа из светлого габардина или трико с меховым воротником, отворотами и манжетами. На полочках и спинке по талии застрочены расходящиеся вытачки. Вытачки, затаченные от плечевых швов, соединены строчками по форме кокетки. Карманы прорезные, с патами. Борта, пояс, паты карманов и кокетка отстрочены.

Автор модели — В. Горовиц.

В этом номере помещены восемь страниц цветных фотографий.

Из почты «Огонька»

Птичий мех

На сельскохозяйственной выставке в Кировограде внимание посетителей привлекли меха... из птичьего пуха.

Большинству из нас не приходило в голову, что наряду с беличьим, лисьим, кроличьим мехом может быть и гусиный или утиный мех.

Птицевод-любитель из города Александрии пенсионер С. Д. Авраменко, присутствовавший на выставке, рассказывал, как он, занимаясь вопросами рационального откорма птиц, заинтересовался возможностью использования шкурок водоплавающих птиц в качестве мехового сырья.

Известно, что кроме перьев тело птицы покрыто пухом. Этот покров, редкий и нестойкий летом, осенью и зимой становится густым и прочным. Обычно после убоя птицы пух выщипывался вместе с пером. Семен Дмитриевич решил, не выщипывая пуха, снять его вместе с кожей, которая без труда отделяется от тушки, если птица хорошо упитанна.

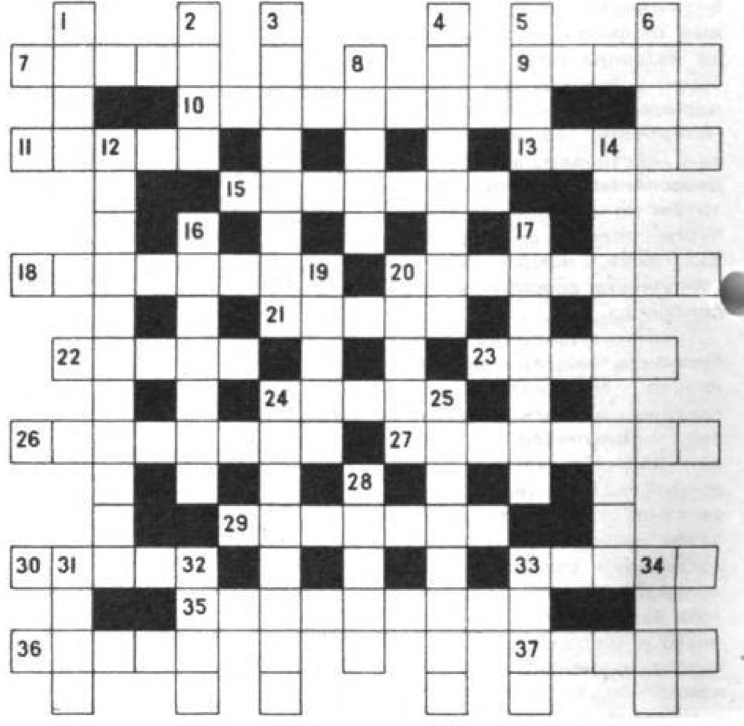
Шкурки птиц, выделанные обычным способом, обладают прочностью, красивым, нежным «пуховым мехом», не боящимся воды.

Широкие масштабы птицеводства дают возможность использовать птичий мех для разнообразных меховых изделий.

А. КОМАРОВ

Кировоград.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Город на побережье Рижского залива. 9. Описание морей и побережий для нужд мореплавания. 10. Очевидец. 11. Помещение для содержания и разведения животных. 13. Дорога. 15. Драматическое произведение. 18. Специальность ученого-зоолога. 20. Герой романа П. Павленко «Счастье». 21. Река, впадающая в Каспийское море. 22. Птица из семейства уток. 23. Огородное растение. 24. Деталь двигателя. 26. Растение с желтыми цветками. 27. Великий русский поэт. 29. Город в Казахстане. 30. Лесная певчая птица. 33. Соединение частей сплавом. 35. Выделка изделия. 36. Обобщенное художественное отражение действительности. 37. Морская полярная птица.

По вертикали:

1. Движущая сила. 2. Ввод предприятия в эксплуатацию. 3. Растение, дающее душистые масла. 4. Произведение А. И. Куприна. 5. Смычковый инструмент. 6. Спортивный снаряд для метания. 8. Пряность. 12. Положительное качество. 14. Русский живописец. 16. Пушной зверек. 17. Вид соревнования. 19. Персонаж из поэмы «Демон» М. Ю. Лермонтова. 20. Обломок горной породы. 24. Зубчатое колесо. 25. Дождливая, пасмурная погода. 28. Принадлежность игры в хоккей. 31. Создатель панорамы «Оборона Севастополя». 32. Определенное количество. 33. Международный договор. 34. Спортивная площадка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

3. Команда. 5. Почтамт. 8. Систематика. 11. Тобол. 12. Галан. 19. Суриков. 20. Кислота. 21. Каботаж. 22. Композитор. 23. Литература. 25. Нейтрон. 26. Платина. 27. Автомат. 30. Сквер. 31. Сакля. 34. Послесловие. 35. Меринос. 36. «Ариадна».

По вертикали:

1. Новость. 2. Одометр. 4. Автомобиль. 6. Бизон. 7. Оклад. 9. Головоломка. 10. Бараташвили. 13. Туркмен. 14. Диаметр. 15. Бинокль. 16. Отчизна. 17. Кочуров. 18. Магадан. 24. Статистика. 28. «Демон». 29. «Тазит». 32. Алгебра. 33. Колонна.

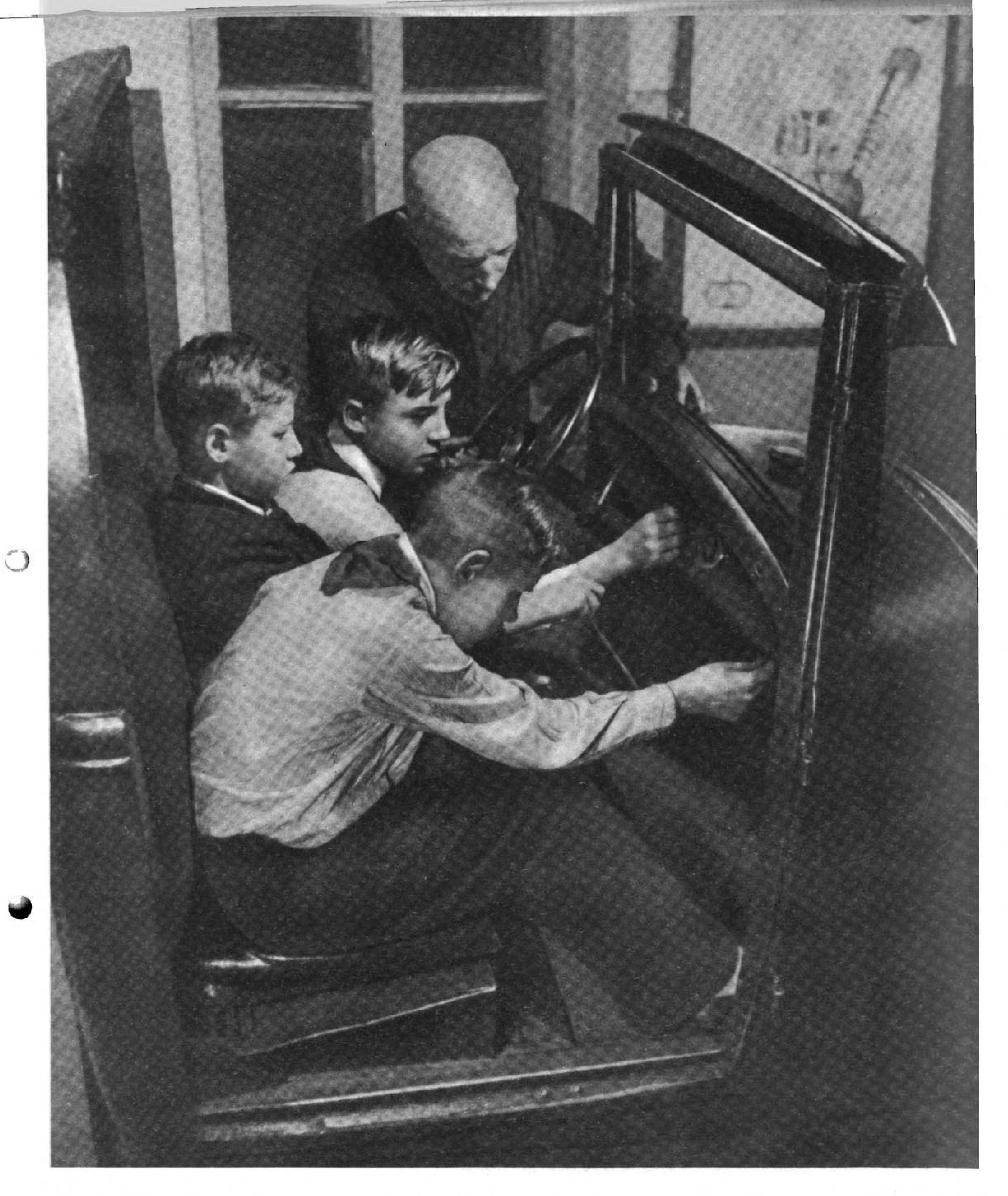
Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07729. Подп. к печ. 16/XII 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 1007. Заказ 1176. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

ЮНЫЕ ВОДИТЕЛИ. В дни, предшествовавшие открытию Волго-Донского канала, в Сталинград въехала покрытая пылью дальних степных дорог автомотоколонна. Дочерна загорелые мальчики и девочки выглядывали из кабинок, любуясь возрожденным из руин городом-героем.

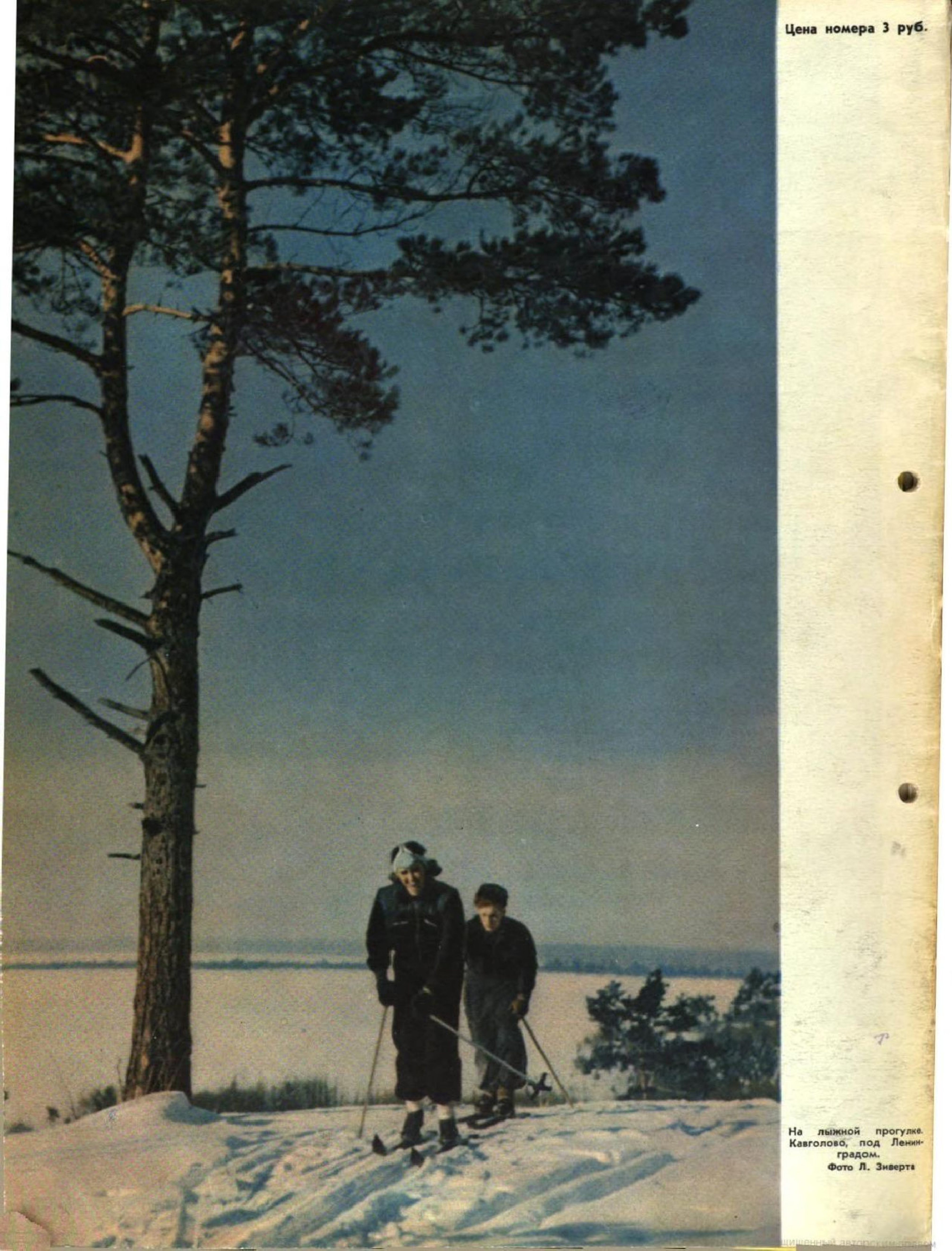
Это были московские школьники, участники увлекательного моторизованного пробега по родной земле. Юные водители — автомобилисты и мотоциклисты — прошли тысячи километров, посетили многие города и села и, полные незабываемых впечатлений, окрепшие, вернулись домой.

Каждый год в ближние и дальние туристские автопоходы отправляются члены московского клуба Юных автомобилистов. Право самостоятельного вождения дается не сразу,— надо пройти курс технической учебы.
С утра до вечера школьники разных смен заполняют классы и лаборат
рии клуба. Здесь они изучают устройство автомобиля и принципы д
ствия двигателей. На московских улицах нередко можно увидеть автом
шину, на которой развевается вымпел с буквами «К.Ю.А.». Под руково
ством инструктора-педагога маленькие водители совершают первые сам
стоятельные поездки.

Более двух тысяч школьников и школьниц столицы научатся в эт
году полезному и увлекательному делу в трех клубных секциях — автом
бильной, мотоциклетной и водомоторной.

На снимке: занятия в лаборатории практических работ.

Фото С. Осипова

Цена номера 3 руб.

На лыжной прогулке. Кавголово, под Ленинградом.
Фото Л. Зиверта